

Александр Олсуфьев

Эмигранты

16+

Александр Олсуфьев

Эмигранты

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Олсуфьев А.

Эмигранты / А. Олсуфьев — «ЛитРес: Самиздат», 2017

В стране идет процесс под названием «перестройка». Среди множества глупостей и жестокости, совершенных в это время, было одно действие, что понравилось почти всем – это отказ от «железного занавеса» – людям позволили уезжать за границу... И люди поехали... Герои повести едут на курортный Остров. Приезжают, начинают отдыхать, смотрят по сторонам, отмечают любопытные особенности «чужой» жизни, сравнивают с тем, как они сами живут и как живут здесь, «за границей», на этих маленьких, небогатых островах и... поневоле начинают задавать себе вопросы – а как же так получилось, что?.. вот они, люди образованные, закончили университеты, с жизненным опытом и, все равно, живут более чем скромно, почти бедно, даже по сравнению с тем, как живут здесь, на Островах. Сравнивают, размышляют... и приходят к неутешительному выводу, что возвращаться домой им вовсе не хочется...

© Олсуфьев А., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Часть первая (Оптимистичная) Стакан

Если в стакане уровень жидкости располагается точно посередине, то про такой стакан можно сказать, что он, либо наполовину полон, либо наполовину пуст, всё зависит от настроения того, кто держит этот стакан в руках, при этом гражданин или, как в нашем случае, гражданка может подойти особенно ответственно к исполнению своих, нужно заметить добровольно взятых обязанностей, и заняться тем, что многократно измерит расстояние от края до уровня жидкости, проверяя и перепроверя полученное значение. Можно также отойти в сторону и, обхватив худенькие плечи тонкими, нервными пальцами, критически щурясь, изучать объект на расстоянии, прикидывая и сравнивая что-то, или можно, в конце концов, просто крутить стакан в руках как угодно долго и, когда экспериментатор устанет, наконец-то, развлекаться таким необычным образом, вполне возможно он или она почувствует жажду и скорее всего сразу же решит для себя, что стакан всё-таки был наполовину полон, а сделав несколько глотков, спокойно вернет пустой сосуд на стол, и забудет о нём, занявшись неотложными делами своими.

Совсем другое дело, когда мы держим в руках стакан пустой. Может быть тот самый, что был оставлен на столе до нас, из которого всё содержимое, до последней капли, кто-то, мучимый сомнениями и одновременно жаждой познания, выпил или просто проходил мимо по делам своим и, перевернув неаккуратным движением, вылил на землю, а может какой-нибудь другой стакан попадёт нам в руки – это не важно, стакан остаётся пуст и, как не крути его, как не смотри сквозь граненое стекло на свет, как не три его в ладонях, сам по себе он никогда не наполнится ни водой, ни вином.

Однако интуиция наша, интуиция человеческая, подсказывает нам и помогает ясно представить, что сей сосуд всё-таки когда-то был полон, потому что он для этого и был изначально изготовлен или создан, а не для того, чтобы стоять пустым и служить местом погребения мух. И был заполнен не наполовину, а по края или по самое горлышко, что косвенно указывает на то, что были времена сытости и процветания. Были... Но прошли...

И что же теперь делать с этим стаканом? Или что же делать, стоя рядом с этим стаканом? Вопрос такой же древний, как род человеческий. Вопрос, на который никто так и не смог до сих пор дать вразумительного ответа, особенно тому, кто задавал его.

Что делать?

А кто его знает...

Но что касается советов, как лучше что-то сделать, как повыгоднее всё обстряпать и как не попасться при этом, как побыстрее сделать то-то и то-то, и как незаметнее уйти после этого, исчезнуть, так сказать, со сцены, как ... ну и так далее, то здесь их просто избыток, советов этих.

Вы уж и про стакан забудете, и про стол, на котором он стоит, ... – про всё забудете, слушая, что вам разные бойкие и болтливые людишки, жадные до чужого внимания, рассказывают, описывая разные ситуации якобы из своего жизненного опыта – этикие экспериментаторы, натуралисты. И начнете представлять как бы вы повели себя при таких обстоятельствах, при других обстоятельствах, что бы сделали, а что бы не стали делать, где бы наполнили стакан водой, а где можно налить туда вина, что делать со столом, на котором стакан этот стоял: продать, выбросить или отдать реставратору, как поступить с домом, где стол стоял, нужно ли продавать, чтобы уехать далеко и надолго или оставить в качестве покинутого «родового

гнезда», куда можно вернуться, если жизнь и дела там не сложатся подходящим образом и что делать с деньгами, если всё-таки решитесь избавиться от дома, во что их повыгоднее вложить и как не потерять совсем...

И, в конце концов, запутаетесь в советах и чужом мнении и вообще забудете зачем сюда пришли.

Вам могут надавать столько советов – устанешь слушать. И что же? Верить всем и каждому? Ещё чего! Слушать нужно только самого себя, чтобы потом не обвинять себя же в излишнем легкомыслии и доверчивости.

Но как удержаться от того, чтобы и самому не дать несколько советов. Это же так заманчиво, так соблазнительно направить другого туда, куда бы сам не осмелился пойти и понаблюдать за ним, как он будет выкручиваться из сложившейся ситуации. Смотреть, стоя в стороне, смотреть из зрительного зала с безопасного для себя расстояния.

Вот и мы, поддавшись соблазну «поучительства», не будем нарушать сложившегося и устоявшего правила и потому вот вам наш совет – а делайте со своим пустым стаканом то, что вам захочется, распоряжайтесь им, как подскажет чутьё ваше и интуиция ваша, в любом случае не ошибётесь.

Глава 1

Кажется, отпуск начинается

Женька посильнее уперлась плечом в высокую, скрипучую, неподатливую от собственной значимости и веса конторскую дверь, протиснулась в образовавшуюся щель и вышла на улицу. Стоя на тротуаре, подозрительно посматривая на небо, с наслаждением вдохнула прохладный, влажный воздух, чистый и прозрачный после прошедших дождей, прибивших к земле и смывших, пусть на время, стойкую городскую пыль и копоть. Вытянула руку ладонью вверх, перевернула ладонь, проверяя капает или нет. Подняла воротник, пальцами прижав его поплотнее, и, аккуратно обходя лужи, с отражающимися в них неверным светом уличных фонарей, поспешила к входу ближайшей станции Метро.

Три дня непрерывно шёл дождь.

Серое небо, тяжелое от собравшейся над головой воды, было похоже на мокрую, нахлобученную по самые уши шляпу, по опущенным полям которой за шиворот стекали примерзшие холодные ручейки, а из-под краев с бахромой из дрожащих капель на мир глядели глаза сонные и безразличные ко всему, кроме простого, сухого и теплого уголка на диване среди мягких подушек под шерстяным пледом. И шляпа эта висела над городом, почти касаясь крыш домов, не пропуская ни одного солнечного лучика, превратив день в бесконечные сумерки, начинавшиеся и заканчивающиеся густым ночным мраком.

На четвёртый день случилось чудо – с запада подул сильный ветер и, не без труда, снёс прочь мокрое покрывало, оставив за собой обрывки облаков с лохматыми, обвисшими краями, стремительно убежавшие на восток, словно напуганные, заблудившиеся и отбившиеся от стада. Скрывшееся за изломанной линией крыш солнце в отместку за то, что так долго прятали от него землю, посылало вдогонку улетающим облакам последние лучи, предупреждая, наверное, чтобы не возвращались более, и подсвечивало их снизу, окрашивая в сочные, багровые тона.

Женька взглянула мельком на небо и то ли от предчувствия скорых перемен, то ли от таких непривычно ярких, противоречивых красок, раскинувшихся по всему небу, почувствовала легкую тревогу и ускорила шаг.

Сегодняшний день для неё был особенным и не только потому, что погода изменилась наконец-то в лучшую сторону, но и потому, что сегодня у Женьки был последний рабочий день. Последний день перед долгожданным, всецело заслуженным, глубоко выстраданным отпуском, который ей вначале, как это водится за подавляющим большинством контор, местное начальство не хотело давать вовсе, ссылаясь на высокую загруженность навалившимися из неоткуда сомнительными проектами и разнообразными, срочными заданиями, что были спу-

щены с какого-то таинственного «верха», а потому требовавшие скорейшего исполнения. Но в подобном лихорадочном состоянии контора пребывала почти всегда. Ну, за исключением редких передышек, когда начальство, словно сговорившись, подобно вороньей стае, раскаркивая прощальные указания направо и налево, становилось на крыло и улетало густой кучкой в далёкие края, наслаждаться сказочными красотами и волшебным сервисом дорогих отелей на каком-нибудь экзотическом морском берегу.

За тем и живут, наверное... Других причин для существования пока что обнаружить не получалось.

Стоило начальству покинуть заветные пределы, как в опостылевших стенах начиналась новая жизнь, более легкая, непринужденная. Всё как-то оживало, а местами и расцветало. Сотрудники становились более общительными, скованность и замкнутость – естественная защитная реакция простого служащего в рабочие часы, растворялись неизвестно где, но не исчезали полностью, тем не менее, возвращаясь с приездом нелюбимых персонажей. Такое странное, облегченное состояние и на делах сказывалось положительно – без противоречивых указаний и туманных оговорок всё исполнялось проворнее, нужный результат получался быстрее.

Повадки этих начальников были изучены давным-давно и использовались смышлёнными подчиненными по собственному усмотрению и для личной выгоды. А также достаточно хорошо был изучен сравнительно примитивный образ мыслей руководства, постоянно озабоченного своей переменчивой судьбой, страдающего хронической некомпетентностью, путающего всё и вся, а потому оставляющего для рядовых, исполнительных и честных во вред себе (а разве бывает по-другому) сотрудников постоянный и широчайший простор для творчества в стенах этой, а равно и других, похожих как близнецы-братья и сестры, контор.

Женька же проработала в том заведении за массивной и неподатливой дверью достаточно долго, чтобы не верить ни лстивым уговорам, ни пустым обещаниям обязательной премии по закрытии проекта, и тем более уж не верить соблазнительным перспективам зимнего отдыха. Не отреагировала она и на скрытую угрозу, прозвучавшую со стороны начальства, пообещавшего припомнить подобную неуступчивость при следующем сокращении штата, и всё же настояла на своём.

Женька упрямо, без грубости, без унижительных упрасиваний, с настойчивостью человека уверенного в своей правоте и требующего свое, честно заработанное, шла к цели и добилась отпуска, правда не тогда, когда ей этого хотелось, а спустя почти два месяца, но, всё же, она победила.

Однако сейчас, возвращаясь домой, обходя старательно, по краю, лужи с пляшущими в них искорками отражений огней города, она не чувствовала ни ликования, ни особенной уверенности в том, что сделала всё правильно, а лишь вяжущее, липкое ощущение накопившейся во всём теле усталости и ноющую головную боль, вызванную, по-видимому, резкой сменой погоды.

Совершенно машинально, двигаясь с автоматической точностью запрограммированного аппарата, который проделывал сотни и сотни раз одну и ту же операцию, она присоединилась к массе спешащих по домам горожан, выкатившуюся на тротуары из дверей бесконечных контор. Сотрудников и сотрудниц, коллег, специалистов и менеджеров – таких же, как она условных производственных единиц, учтенных при составлении бюджетов организации, как необходимые расходы.

Какая-то крохотная часть её мозга уверено вела её в этой толпе, выбирая среди десятков шевелящихся и сутулившихся спин свободные и безопасные направления, стараясь идти вдоль той стороны, где было меньше всего народу, обходя замешкавшихся, уворачиваясь, чтобы не задеть и не касаться идущих рядом. Одновременно с этим, другая часть её мозга, существенно крупнее первой, продолжала вести боевые действия против обнаглевших менеджеров отдела

поставок, с которыми до последней минуты так и не удалось справиться. Ещё одна часть всё того же мозга настоятельно советовала плюнуть на них на всех, ибо бороться с этими людьми – всё равно, что кричать на водопад, чтобы он перестал брызгаться и шуметь, и, продолжая эту тему, в который раз она объясняла самой себе же, что вся эта возня не стоит и самого крохотного мгновения её жизни. Но, в то же самое время, эта часть мозга, самая прогрессивная, судя по всему, выстраивала перед её внутренним взглядом список того, что необходимо взять в отпуск для себя и, что важнее всего, для её восьмилетнего сына Кольки, кто сейчас, скорее всего, сложил уже вещи в чемодан, те которые ему показались наиболее подходящими и в том порядке, который ему представился правильным и с нетерпением ожидает возвращения матери, сидя у окна, прижавшись носом к стеклу и выглядывая, как воробей, во двор.

Мысленно выставляя плюсики и минусы против каждой позиции своего списка, Женька думала:

«Кажется всё, что нужно, уже куплено... Колькины плавки и шорты, шлёпанцы уложены в чемодан. Мои купальники, юбки, шорты, брюки – всё там. Его тёплый свитер и куртка – говорят, там вечером может быть прохладно – тоже сложены. Для себя бы не забыть захватить кофту и куртку. Ах, да! Совсем из головы вылетело, нужно зайти в аптеку, купить аспирин и ещё кое-что из лекарств. Что же, что же ещё? А так, кажется, всё. Билеты, паспорт, приглашение из отеля – всё мне передали. Ну и хорошо. Вот и славно» – подвела итог Женька.

В вагоне метро было как всегда тяжело и душно, но, несмотря на это, все окна оставались закрытыми. Тонкий, вялый сквознячок начинал извиваться где-то в начале вагона, но быстро исчезал среди десятков человеческих тел, выстроившихся спина к спине и мерно раскачивающихся в такт движения поезда, который несся в темноте туннелей, отсчитывая одну остановку за другой.

Женьке повезло. Какой-то молодой человек почему-то уступил ей место – событие само по себе весьма заурядное, но довольно редкое в сутолоке городской подземки.

Женька вяло поблагодарила его, но не отказалась. Стараясь припомнить, не встречались ли где раньше, она уселась, поджав ноги, прижав к себе сумочку и пакет с покупками. Может быть, хорошо забытое давнее знакомство. Нет, слишком молод для знакомого, да и лицо чужое: нос какой-то длинный, борода куца пробивается...

«Не люблю, не нравятся бородатые... Мужчины... Дома и так сору на полу много, а от таких ещё и шерсть, наверное, клубками по углам лежит, на сквозняке перекачивается...» – неприязненно подумала она.

Вообще-то, Женька старалась не садиться в поездах метро. Пригревшись и расслабившись, её неизменно укачивало и начинало клонить ко сну, а спать в подобных местах, во-первых, не очень комфортно, во-вторых, так и просто опасно. Она несколько раз была свидетелем того, как у дремлющих пассажиров выхватывали из рук сумки или срывали дорогие шапки, но что поделаешь, в этом городе находится место и жертвам, и преступникам. А у этого парня лицо выглядит нормальным, не жестоким и не хитрым. Хотя, кто его знает – чужая душа потемки...

Женька вздохнула и вспомнила как вначале бабушка, а затем мама с убаюкивающей настойчивостью поучали её – молодую, доверчивую девчонку, что не стоит принимать от чужих людей подарки и негоже одаривать незнакомцев. Кто знает, чем это может обернуться? А у тебя самой проблем мало? Тебе нужно ещё что-то?

Но кто же прислушивается к советам старших, все ищут свой бугорок повыше, чтобы забравшись на него, скатиться вниз, набив себе при этом как можно больше шишек.

Вот и она не упустила такой соблазнительной возможности поиграть со своей жизнью. И когда весь мир напоминал ей яркую, солнечную, приветливо улыбающуюся мордашку, она, не думая особенно и не сомневаясь ни сколько, приняла из рук молодого, высокого и, как ей казалось, красивого человека предложение, при этом ещё нетерпеливо притоптывала ножками

и подарила ему всё, что бережно сохраняла, и, конечно же, всё это закончилось ровно так, как и предупреждали дорогие её сердцу родители: череда жестких скандалов и горькие подробности давно ушедшего в прошлое развода.

Но сейчас по-другому не получалось, от усталости ноги подкашивались, хотелось закрыть глаза и забыться, а потому, скромно потупив взгляд, села на освободившееся место.

За последние дни, прямо перед отпуском, прибавилось и суеты, и беготни, и бестолковых хлопот, будто плотину где-то прорвало. Коллеги дружно, словно сговорившись, как муравьи подтаскивали бумаги с утра до вечера, и каждый, с плохо скрываемой завистью, хитро шурясь, осведомлялся: а когда же в отпуск, да куда собралась, да насколько, да подготовилась ли она и как подготовилась, как намеревается потратить бесценное свободное время? И, получив на всё утвердительный ответ, уходили за новыми пачками документов. Но и эти дни закончились, уплыли безвозвратно в прошлое, как мусор, что крутится в воде, цепляется за всё подряд, стараясь остаться на берегу, но всё тщетно – поток времени слишком сильный, сносит драгоценные деньги без следа.

Женька подняла глаза и еще раз взглянула на молодого человека, которого плотно стоящая толпа прижала к её коленям, тот смущённо отвёл взгляд в сторону. Достав из пакета потрепанный детектив, она раскрыла на странице с загнутым уголком и, склонив над книгой голову, постаралась сосредоточиться на чтении, напрасно стараясь вспомнить о чём же там идёт речь, где с изощрённой иронией, чуть ли не на каждой десятой странице автор раскладывал для своих читателей свежий труп. Строчки бежали перед глазами, но смысл прочитанного ускользал, словно туман, а в голову, отталкивая друг друга, наперегонки лезли всякие унылые мысли.

«Надо же, всё ещё смотрит. Лучше бы вон ту девицу изучал. Она и пофигуристей будет и помоложе... Да, пока что смотрят, но скоро перестанут...» – успокоила себя Женька. – «Года через два такой жизни я совсем стану похожа на старую ведьму с косматой, нечесаной головой, морщинистой, увядшей кожей, заваленной по самую макушку серыми, никчемными бумагами. Погрязну, утону в конторских интригах и не буду думать ни о чем и ни о ком более, кроме как о своём безмозглom и хамском начальстве».

Женька поёжилась как от озноба, хотя в вагоне было душно и жарко. Сокрущённо вздохнула:

«Не хочу... Не хочу! И не смогу. Надо будет что-то придумать. Но нужны деньги, деньги, деньги. А то, как нам с Колькой прожить?»

Женька перевернула страницу, потом наугад зашипнула почти половину, и, открыв где-то на середине, задумчиво провела по листам ладонью.

«Да, как нам прожить? Приходится надеяться только на себя. Надолго ли хватит? Вот вопрос. Ладно. Потом придумаю. Что сейчас голову ломать, всё равно никаких идей нет. Нужно думать об отпуске. Сейчас у меня отпуск. Можно спать, сколько захочется, и утром не бежать, как ошпаренная, сминая каблуки, толкаясь в толпе. Не придётся угодливо раскланиваться в конторе с утра пораньше перед теми, кого уж и видеть не могу без содрогания, не придётся носиться по кабинетам начальства, натываясь каждый раз на слюнявые взгляды. Хорошо-то как! Наверное, так и выйдет жизнь в раю. Спишь себе до полудня, а то и дольше...»

Спать до полудня?..

Нет, дорогуша, ничего у тебя не получится. У тебя самолёт через несколько часов, а вещи ещё не собраны, и кто знает в каком состоянии прибывает сейчас чемодан. Колька, наверное, собрал его по-своему, игрушки свои сложил на дно и прикрыл полотенцами. А то, что спать хочется – так это ерунда, перетерпим. И не такое терпели. Если всё нормально сложится и мы долетим без приключений, то отсыпаться буду уже у моря, под шум прибоя, под шорох волн по песку, а тихий ветерок, приподняв край занавески, принесёт с собой запах водорослей и морской воды. Как здорово! Для этого можно и усталость перетерпеть, и хамство конторское».

Женька подняла голову и осмотрелась. Молодой человек исчез, по-видимому, сошёл раньше. Просто, погружённая в свои невесёлые мысли, она этого не заметила, а сейчас его место заняла какая-то тучная тётка. Она с угрожающим видом нависла над Женькой, прижимаясь всё плотнее и плотнее к её коленям, наступая на ноги и давая понять, что пора бы и место уступить пожилой, измученной жизненными невзгодами женщине. Женька немедленно опустила глаза и, упрямо поджав губы, принялась читать, перебирая слова в громоздких фразах и изо всех сил стараясь собрать смысл с потрёпанных страниц. Ей оставалось проехать ещё две остановки.

Открыв ключом дверь своей маленькой двухкомнатной квартиры первое, что она увидела – это Кольку. Он с деловым видом вырулил из-за угла, на вытянутых руках, почти под самый подбородок, нёс высоченную стопку разноцветных банных полотенец. На секунду Колька задержался перед дверью и важным голосом произнёс :

– Привет, Ма!

Развернулся и, шлёпая по полу тапочками, зашагал в комнату.

– Собираемся, значит? – спросила Женька, с нежностью смотря в след ему.

– Собрался уже. Чемодан упаковал и закрыл. Вещи наши сложил. Осталось вот – несколько полотенец, но они туда не влезают, – слышалось из комнаты.

– Молодец-то, какой! А ты ел? Я тебе утром оставила на плите... – настроение у Женьки поднялось. Она всегда чувствовала себя лучше и увереннее, когда возвращалась домой, в свой мир, в мир наглухо закрытый от чужих, построенный по её правилам, в соответствии с её желаниям и по её возможностям, пусть и очень скромным, где доминирующим правилом, к сожалению, было правило жёсткой экономии. Мир, где всё было просто и рационально, уютно и всё находилось под рукой.

Ну и пусть, что здесь нет роскоши и ярких, модных, дорогих вещей! Хотя, что душой кривить, иногда, стоя напротив витрин и с интересом разглядывая понравившуюся, изящно подсвеченную вещь, хотелось побаловать себя элегантно безделушкой, но, присмотревшись повнимательнее к ценнику, подвешенному на тонкой ниточке, Женька начинала удивленно оглядываться по сторонам в надежде, что и другие обратят внимание на сию глупость. Вот это, пусть и кругленькое и на изящной ножке, но за столько!.. Однако всем проходящим выставленный за стеклом предмет был неинтересен, никто не останавливался рядом и не округляя глаза от удивления и возмущения, не бормотал, что мир сошёл с ума, что все спятили и жадности человеческой нет предела. Люди с озабоченным видом продолжали спешить мимо по своим делам, и Женька, поёжившись от смущения и от ощущения своей крохотности и беззащитности перед теми цифрами, выведенными аккуратным подчерком на куске картона, молча отворачивалась и уходила прочь.

Пусть обстановка в квартире была скромной и даже бедной. Не важно! Добровольным оценщикам вход сюда закрыт, потому что здесь, в этой маленькой квартирке, единственными хозяевами были они с Колькой, и никто другой не имел права указывать им как и что делать, никто не осмеливался указывать им когда начинать и во сколько заканчивать, никто не мог поднять здесь голос или, размахивая руками, отдавать указания, рассуждать с самодовольным видом как нужно жить и объяснять, почему это столько стоит. Достаточно того, что ей приходилось терпеливо выслушивать всё это прямо или в потоке сплетен с утра до вечера в конторе. Но сегодня это закончилось, закончилось на время благословенного отпуска. Какое, всё-таки, счастье!

«Однако, что он там насобирал?» – Женька прошла в комнату, остановилась на пороге и с одного взгляда оценила размеры разрушений, и прикинула объём восстановительных работ.

Посредине, на полу покоился пузатый чемодан, запёртый и перетянутый ремнями, а вокруг: на диване, на спинках стульев, на кресле, на столе и под столом, на телевизоре были

разложены майки, шорты, полотенца, рубашки, брюки, обувь – всё, что терпеливый, повидавший на своём веку и привычный к жёсткому обращению чемодан отказался принять внутрь. Колька сгрузил полотенца на диван и сел рядом, болтая ногами.

– Так. Значит собрались. А что же ты мой купальник не положил? – Женька подошла к креслу и сняла разноцветный купальник со спинки. Обернулась и заметила свои летние брюки на стуле. – А про брюки забыл?

– Ма! Чемодан-то маленький, – начал оправдываться Колька. – Я наши летние вещи положил туда. Мы же на юг едем. Зачем там брюки?

– А вдруг, вечером похолодает? Будем мерзнуть? – Женька присела на корточки у чемодана и принялась расстегивать ремни. – Посмотрим, что здесь у нас такое.

Откинув на сторону крышку, под тонким слоем вещей, состоящим из пары полотенец, нескольких маек, шорт и её второго купального костюма, она обнаружила целый склад игрушек, что предполагалось контрабандой перевезти на берег теплого моря, а именно: огромный катер, по диагонали занимавший почти всю длину чемодана, два пластмассовых пистолета, десятка полтора солдатиков и одноухий, потертый плюшевый мишка, подаренный Кольке в возрасте одного года, и без которого он наотрез отказывался ложиться спать, путешествовавший с ними всюду как третий член семьи, и который безо всяких сомнений уже обрёл свойства талисмана.

– Это тебе зачем? – Женька извлекла модель катера и, держа её в обеих руках, с интересом разглядывая замысловатые палубные надстройки и всякие пластмассовые приспособления.

Почувствовав, что его тайному складу контрабандных игрушек наступает конец и что пришло время защищаться, Колька перестал болтать ногами и обиженно загнул:

– Ма, мы же на море едем. Хотел испытать его там. А то я его в ванне от одного бортика к другому вожу, вожу... – разочарованно бубнил Колька. – Неинтересно в ванне катать его. Он там еле-еле помещается. Думал на море попробовать.

– Ничего не получится, дорогой. Во-первых, там, куда мы едем, случаются очень высокие волны и катер твой может утонуть, а это подарок бабушки, во-вторых, там много настоящих катеров и яхт. Посмотришь на них. Они красивые. А если повезёт, то и покатаемся. А, в-третьих, он просто тяжёлый, и занимает много места. Нет, эту игрушку мы не берем, – Женька решительно отложила модель в сторону.

– Так! Теперь вот это, – она взяла в обе руки по пистолету. Прицелившись в люстру, улыбнулась и спросила. – Ожидаем нападения на самолет или ты думаешь, пираты высадутся на берег?

Колька, надувшись как мышь, сидел молча и обиженно сопел.

– Что молчим?

– А может и нападут? Вдруг нападут? Как защищаться-то?

– Нет. Мне кажется, что всё обойдётся. А в самолёт с твоим вооружением не пропустят, подумают, что ты террорист, да и в гостинице долго объяснять придётся. Однозначно – не берём! – решительно заявила Женька и переложила пистолеты туда же, где на полу, накренившись на левый борт, лежал катер. На дне чемодана, вытянув потертые плюшевые лапки и весело поблескивая глазками-пуговками, остался лежать одноухий медвежонок.

– Ну а этот гражданин поедет с нами. По поводу его кандидатуры у меня нет возражений... – Женька переложила одноухого медведя в угол чемодана и подумала, что казённый, конторский язык настолько проник в её речь, что даже с Колькой она начала объясняться этими корявыми, угловатыми, жёсткими фразами. Нужно последить за собой. Нечего таскать всякую гадость, тем более в отпуск едем, можно и расслабиться. – Всё! Таможенный досмотр закончен.

Поняв, что его тщеславным планам показать всему миру свои лучшие игрушки пришёл конец, и, зная по опыту, что с матерью лучше не спорить, Колька сполз с дивана. Хлюпая носом, сгрёб не прошедшие проверку игрушки и потащил их к себе в комнату.

Конечно, если бы не жёсткие правила определённые не менее жёсткими, а порой и исключительно жестокими обстоятельствами, то Женька позволила бы сыну взять с собой не одного лопоухого медведя, а полный ящик игрушек. Пусть веселится, ведь время летит так стремительно, что скоро, очень скоро, эти игрушки станут ему не нужны и разноцветные машинки, большой катер, из-за которого он сейчас бродит из одной комнаты в другую, не поднимая глаз и обиженно оттопырив губы, все те самолёты, вертолёт, солдатики ... всё это обретёт реальные формы и размеры, станет мощнее, стремительнее, дороже и опаснее. А тут ещё оружие..., а об этом вообще не хочется думать. Что ж, правила действуют и им следует подчиняться.

Правила, правила... Везде правила. На улице правила, в конторе еще больше правил, в собственном доме тоже правила. И почти все какие-то чужие, навязанные откуда-то извне. Некоторые со смыслом, но таких мало. Другие – бессмысленные, как их не крути, но за ними чувствуется чья-то жесткая, жадная рука, подгребающая под себя всё, а с владельцами этих рук лучше не спорить и не конфликтовать. Силы неравные. Приходится подчиняться, но неохотно, сопротивляясь на каждом шагу, а потому и дома появляются свои правила, чтобы уберечься, чтобы не потратить лишнего, чтобы сохранить здоровье. Без них, без правил, как-то не получается.

– Значит, возьмем одного медведя? – Женька проводила взглядом сына, который с понурым видом, шлёпая разношенными тапочками по полу, таскал из своей комнаты вещи, раскладывая их на диване. Женьке стало до слез его жалко, но и тащить через границу в чемодане целый арсенал совсем не хотелось – Колька, а где твой водяной пистолет?

– Какой ещё водяной пистолет? – недовольным голосом, не оборачиваясь, переспросил он.

– Ну, тот, что мы купили в начале лета.

– Разноцветный, что ли? В шкафу... Наверное...

– Тащи сюда! Зачем тебе эти, – она брезгливо отпихнула контрабандное оружие подальше от себя. – Они ничем не стреляют, они тяжелые, в воде тонут, а из того ты можешь попасть в краба или в рыбу струёй воды. Это же здорово! Представляешь, струёй попасть в бегущего краба, а он от неожиданности перевернётся на спину и начнёт дрыгать ногами. И в море ты сможешь с ним купаться. С ним можно играть на пляже с другими ребятами.

Колька остановился и задумался, представил себе, как будет охотиться на крабов, ловко перепрыгивая с камня на камень. Сразу было видно, что идея ему понравилась, но гордость не позволяла немедленно отказаться от своих планов, нужно было поторговаться, требовалось потянуть время.

– Ма, но он разноцветный. Девчачий.

– Никакой он не девчачий, – отмахнулась Женька. – А разноцветный пистолет легче найти в песке, если забудешь его где-нибудь. Неси, неси! Это то, что нужно.

Продолжая изображать недовольство, Колька ушёл к себе в комнату.

«Только бы он не был сломан», – думала Женька. – «Но, кажется, этим летом он им не пользовался».

Колька быстро вернулся, неся в опущенной руке яркий пузатый пистолет.

– Вот, он... – протянул его матери.

Женька бережно взяла, осмотрела со всех сторон. Вроде цел. И то хорошо, и стоит недорого, а если забудет где – не страшно, новый купим, и положила в угол чемодана, рядом с медвежонком.

Зная по опыту, что с матерью в таких ситуациях спорить бесполезно, а хныканье, слёзы, жалобы на нелюбовь и на несправедливость ни к чему, кроме раздражения не приведут, Колька

смирился, а вскоре, в суматохе сборов и вовсе забыл о своих планах, на что, впрочем, Женька и рассчитывала, потому что знала своего сына как никто другой. Но в отношении себя сейчас она не была уверена, сомневалась, что под гнѐтом накопившейся усталости сможет терпеливо объяснить сыну скучные правила перелѐта и не сорвѣтся где-нибудь на полпути, и не скатится в гнев, и не повыкидывает всё из чемодана. И тогда пришлось бы Кольке ехать к морю без всего: и без солдатиков, и без оружия, и даже без медведя.

Хотя Женька была человеком отходчивым и, спустя уже несколько минут, начала бы переживать о случившемся, и первая пошла бы мириться с сыном, но подобная вспышка гнева могла испортить впечатление об отпуске с самого первого дня, а что начинается криво, то и растѣт далее непонятно как. Поэтому немного хитрости, чуть– чуть понимания, капельку терпения и сборы в дорогу продолжились в обычном, можно сказать, спокойном ритме, если такое вообще бывает.

Спустя уже час Женька с удивлением обнаружила, что вещи начали разбегаться по комнате как тараканы, непонятным образом исчезать из чемодана и появляться в неожиданных местах.

Так Колькины джинсы, в отношении которых она была более чем уверена, что уже упаковала ранее, вдруг оказались висящими на спинке кресла. Женька взяла их в руки и, с недоумѣнным видом разглядывая, вертела то так, то сяк, судорожно пыталась вспомнить покупала ли она одну или две пары, но воспоминания оставались более чем запутанные, а спросить было не у кого. Впрочем, тоже самое произошло и с её блузками, которые по её же представлению давно уже покоились на дне чемодана, но оказались на самом деле сложены на стуле. Все эти нелепые происшествя её смутили и расстроили, в комнату для дознания немедленно был приглашѣн Николай и самым серьёзным тоном допрошен, но на все вопросы Колька отрицательно мотал головой, отвечал, что из своей комнаты не выходил, что играл, и при этом вид у него был сонный и замученный. Женька обняла сына, поцеловала и отправила спать.

«Что ж... от усталости можно и голову потерять, не то что какие-то джинсы и блузки», – подумала Женька, обошла комнату по кругу, собирая нужные вещи на диване, потом аккуратно переложила их в чемодан, нагнулась над ним, чтобы застегнуть ремни и осеклась, вспомнив... что забыла зайти в аптеку после работы, докупить необходимые лекарства. Ехать в другую страну с малолетним сыном, пусть и на курорт, но с неполной аптечкой она определила как верное самоубийство.

Что же делать?

Стрелки часов равнодушно указывали на половину одиннадцатого. Все аптеки к этому времени уже закрылись, а до дежурной нужно было брести тѣмными дворами, что Женьке показалось, совсем не без оснований, предприятием опасным и неудобным, а потому оставалось лишь обратиться за помощью к тем, у кого, как она знала наверняка, всегда есть всё, начиная от пищевой соли, кончая удачей и семейным благосостоянием, а именно – к соседке напротив.

Женька ещё раз взглянула на часы. Не поздновато ли? Нет, нормально. Тѣтя Маша, как обращался к соседке Колька и как они привыкли шутливо величать её, разговаривая друг с другом, имела привычку ложиться поздно, и хотя «тѣтя» эта была ровесницей Женьки, но прозвище укрепились за ней прочно. Женька вышла на лестничную площадку и позвонила в соседнюю дверь.

Глава 2

Тѣтя Маша

Не успела она убрать палец с кнопки звонка, как с противоположной стороны послышались приближающиеся, словно подхваченные стремительным вихрем, раздраженные крики, веселый лай и детский смех.

Дверь распахнулась, на пороге возникла сама тѣтя Маша – высокая женщина, плотного телосложения, в просторном домашнем халатике до колен, волосы её были убраны под яркую,

цветную косынку, надвинутую на лоб по самые брови так, что со стороны затылка виднелись забавные хвостики от узелка, по краям из-под косынки задорно торчали бигуди, к уху она прижимала плечом телефонную трубку, в руках держала небольшую кастрюльку, в которой венчиком что-то энергично взбивала, у ног её, ухватившись рукой за подол и раскачиваясь из стороны в сторону, грозя сорвать халат с крепкого торса, смотря на Женьку во все глаза и улыбаясь щербатым ртом, стояла маленькая девочка, а вокруг, оглушительно лая и весело размахивая крысиным хвостиком, носилась пузатая такса по кличке Ричард.

– Да замолчи же, ты! – крикнула в трубку тётя Маша, грозно взирая на таксу, одновременно топнула ногой, однако, не переставая при этом энергично взбивать содержимое кастрюли, и тут же без малейшей паузы, взглянув на Женьку, добавила:

– Это я не на тебя, а ты – заходи! Это я соседке. Соседка зашла. Да, зашла... Не знаю. Ну? Что там дальше было? Так... Так... Забавно. А он? Что он-то? Угу... Угу... А она? – тетя Маша замолчала на мгновение, задумчиво рассматривая потолок, взгляд её цепких тёмных глаз переходил из угла в угол, и трудно было понять то ли она анализировала рассказанное, то ли оценивала качество ремонта, потом толкнула коленом входную дверь.

Женька посторонилась, дверь закрылась, замок сухо щёлкнул, словно часовой вставший на посту охранять подступы к этому дому, полному суматохи, смеха, криков, неразберихи в делах и хозяйстве, но всё же организованному по правилам вполне устраивающих всех его обитателей: и взрослых, и маленьких, и в том числе Ричарда.

Тётя Маша развернулась и, степенно вышагивая, пошла на кухню, девочка, не отводя любопытных глаз от Женьки, в пол оборота, боком побежала следом. Такса же, обогнав всех, первая примчалась к заветному кухонному столу и уселась под ним на пол, если глагол «сидеть» вообще применим к таксам, вытянула вверх мордочку, оттопырила одно ухо и, не преставая при этом работать из стороны в сторону хвостом, тихонечко заскулила.

– Не может быть! Вот даёт, ну, даёт! – продолжала тётя Маша, выдвигая ногой из-под стола табурет. Показав кивком головы на него, она дала понять Женьке, чтобы та вела себя без ненужных церемоний, не стояла посреди кухни столбом, как бедная родственница, а села и ждала, пока разговор закончится, сама же, повернувшись к плите, вдруг заголосила, прихотывая:

– Ну, дела, ну и дела! Не может быть! Ха, это ж надо! И ты говоришь, что после этого он с ней?... Да, никогда! Попомни моё слово. Это абсолютно точно. Двести процентов уверенности. Нет! Тысяча! Слышишь, тысяча процентов уверенности! Это я тебе говорю, а я в таких делах ошибаюсь редко! Угу, угу... Забавно... Ну, ладно, слушай, тут ко мне соседка зашла, я тебе перезвоню. Потом дораскажешь. Да. Да. Нет. Ну, пока. Пока, пока. Целую! Чмоки, чмоки, чмоки...

Тётя Маша замолчала, поставила кастрюльку на плиту, освободившейся рукой перехватила телефон, посмотрела на шкалу.

– Один час сорок минут и это не предел, – прокомментировала она. – Бабы эти – такие сплетницы. У них что на уме, то и на языке. Языками своими метут всё подряд. Как я не люблю сплетни, если бы ты только знала! Просто ненавижу! Они столько времени отнимают, почти полжизни. Если не больше... Но столько всего интересного узнаёшь про эту самую жизнь... – она состроила хитрую физиономию и лукаво скосила глаза.

Взгляд её соскользнул на пол и уперся в собаку, а та, не отводя восхищённых глаз от обожаемой хозяйки, тоненько поскуливая, продолжала обрабатывать пол хвостом.

– Подожди минуточку, – обратилась она к Женьке. – Василий! Ва- а-а-сий, поди-ка сюда!

На пороге кухни нарисовалась долговязая фигура старшего сына, он уныло посмотрел на Женьку.

– Здравсьте, тетя Женя, – перевел взгляд на мать. – Ну, что?

– Не нукай – не запряг ещё, – отрезала тётя Маша. – Что, что! Ты с Ричардом гулял?

– Ну, Ма-а, у меня уроков на завтра выше крыши. Я не успеваю, – загнусавил он.

– Так, значит, не гулял, – сделала логический вывод тётя Маша. – Как с дружкой своим по двору шататься весь день, так на это у тебя время находится, а уроки, значит, на ночь оставил, – тётя Маша многозначительно замолчала, грозно взирая на сына. Под этим убийственным взглядом Василий как-то съёжился и стал тихонечко пятиться.

– Куда?! – прорычала тётя Маша, бигуди под её косынкой угрожающе поднялись дыбком. – Вот смотри, сейчас тебе безмерно повезло, потому что ко мне Женька зашла, но разговор наш не закончен. С тобой я разберусь позже. И если ОН – тут тётя Маша ткнула пальцем в Ричарда, который подпрыгнул и, яростно крутя хвостом, не в силах более сдерживать свои чувства, забежал как сумасшедший вокруг её ног. – И если ОН нагадит у меня на паркете, то дерьмо будешь слизывать своим языком. Понял?! А теперь пошёл вон! К себе! За стол! Я потом приду, проверю что ты там выучил... Вот, шельмец... – тетя Маша глубоко вздохнула, словно собиралась задуть свечу.

После этих слов Василий тут же исчез. Женька скромно сидела на табуретке, сложив руки на коленях и, улыбаясь, наблюдала за происходящим. Тётя Маша восхищалась. Восхищал её темперамент, прямота, внутренняя сила, энергия.

«Если бы все мы бабы были такими как Машка, то мужикам на Земле не нашлось бы и места», – подумала Женька. – «Хотя, скорее всего наоборот, жили бы как в меду, толстели бы, лысели бы и наслаждались жизнью, как муж её Фёдор».

А что касается резких слов в отношении её старшего сына, то здесь Женька знала наверняка: Машка за своего Василия перегрызет глотку кому угодно. Становиться на её пути также опасно, как бодаться с локомотивом, несущимся на всех парах.

– Так, кажется, со всеми разобралась. Ну, рассказывай, что у тебя случилось, а то что-то давно не заглядывала. Всё работаешь, работаешь, наверное. Извелась уж, небось, в конторе-то своей.

– Нет, Маш, ничего не случилось, не беспокойся. Нормально всё. Я что зашла – то?.. Таблеток у тебя нет от живота, горла?

– Живота и горла? Колька, что ли, заболел? Или сама в столовке своей конторской что-то съела?

– Да, вовсе нет! В отпуск собралась. А лекарства забыла купить. С работы сразу домой и в аптеку не заскочила.

– В отпуск? – в предчувствии интриги, глаза у тётя Маши засверкали. – Одна или как?

– Или как... – скромно улыбнулась Женька, решив подыграть немного. – Не одна.

– Так! Наконец-то! – тетя Маша, не сводя горящих глаз с Женькиного лица, на ощупь из-под стола выдвинула второй табурет и села напротив. – Катюша, дочурка, иди-ка к себе в комнату, мы тут с тётей Женей немного поговорим. Покалякаем, так сказать, по-соседски. Нечего тебе разговоры взрослых слушать, – тётя Маша в порыве нежности прижала к себе девочку, потом подтолкнув её легонько в спину, выпроводила с кухни вон. – Дочка моя. Единственная радость. От этих охламонов, – тётя Маша мотнула головой в сторону комнаты, куда в печали ретировался Василий, – одна суета и бестолковость. Вот, невесту твоему Кольке рошу. Хорошая из них выйдет пара, попомни моё слово. Как подрастут, оженим их, породнимся, стало быть, внуками нас радовать будут. Так, так, значит, не одна едешь. А с кем? Рассказывай. У нас с тобой секретов нет, не было и не будет.

Да и какие могут быть секреты от тети Маши, когда она была в курсе того, что происходит по всему многоэтажному дому. А уж что и как делается в соседской квартире... она знала лучше, чем содержимое своего холодильника.

– Собственно, и рассказывать-то не о чем, – Женька скромно опустила глаза и продолжила розыгрыш. – Познакомились мы давно. Очень давно. При обычных, жизненных обстоя-

тельстввах, я бы сказала. Вот. Ну, что ещё? Встречаемся с ним регулярно. Можно сказать каждый день...

– Да ты что! А я и не знала. Ух ты, скромница, тихоня наша, – тётя Маша игриво погрозила Женьке пальцем. – Старичок, наверное, какой-нибудь?

Сгорая от любопытства, она придвинула свой табурет поближе.

– Да, я бы не сказала, что старик он, – Женька передёрнула плечами. – Даже наоборот, молоденький такой, шустрый, хозяйственный.

– Так! На мальчиков, значит, перешла, – резюмировала тётя Маша. – Правильно! Нечего тратить время и силы на козлов этих старых. Блондин он или брюнет? Красавчик, наверное? Высокий? Богатый? Из хорошей семьи? Да ты не тани, не тани. Видишь, я от любопытства лопаюсь, а из тебя, как всегда, всё приходится клещами вытягивать. Рассказывай, рассказывай.

– Ну, что тут добавить? Не брюнет. Шатен он. Невысокого роста. Крепенький такой. Мечтательная натура. Сказки очень любит.

– Какие сказки? – от удивления у тёти Маши глаза сделались круглыми, как чайные блюдца. – Не поняла. Вы что друг другу в постели сказки читаете? Или что?..

– Зачем в постели? Перед сном. Русские народные сказки с картинками.

– С картинками значит... – обалдевшая тётя Маша прикрыла рот ладонью и, покачивая головой, забормотала. – А я своему запретила покупать порнуху, когда мы были за границей. Скандал закатила, чуть по морде этими журналами не получил тогда, а ты вон какая – современная. С картинками, значит... И что? Хорошо потом, дальше – то? Как оно действует? Наверное, как огонь становится?

– Да ну, что ты! – Женька в смущении замахала руками – Засыпает сразу. Почти после первой страницы.

После этих слов у тёти Маши понимание того, о чём рассказывалось, отключилось напрочь, все люки в её мозгу захлопнулись наглухо, и ничто более не могло проникнуть туда снаружи, и ни одна мысль не выходила обратно. Вид у неё стал какой-то жалкий и подавленный. Она растерянным взглядом обвела кухню, остановилась на Ричарде, который устав ждать подачки с кухонного стола, убрался под батарею и, растянувшись в углу во весь рост, выкатил свое пухлое, розовое брюшко.

– Смотри, как надулся шельмец. Сегодня, точно, нагадит мне на полу, – упавшим голосом пробормотала тётя Маша. – Вас... – начала она во весь голос, но окончание имени произнесла почему-то шепотом – ... с-силией... Значит, получается, что после порнухи с картинками он сразу засыпает. Ну и зачем тебе такой гриб нужен. К тому же невысокого роста. Карлик, что ли?.. Хотя и у карликов бывает... Я, конечно, не люблю вмешиваться в чужие дела, ворошить чужую личную жизнь – это занятие не для меня, но позволь соседка дать тебе один хорошо проверенный совет. Мужик должен быть ВО– О! – тут тетя Маша выпрямилась, грозно сверкнула глазами и выставила вперед руку со сжатым кулаком. – Иначе, от них проку вообще никакого не будет. Совсем... Напрочь... Гнилое племя!

Женька как-то вся съежилась, испугавшись тёти Машиной энергичной реакции, а та, переведя дыхание, доверительным тоном, понизив голос почти до уровня шепота, чтобы дети не подслушивали, зачастила:

– Мой-то, Феденька, когда мы только познакомились, ух и горяч был. Прямо вулкан какой. Один раз, на мне всю одежду порвал. Вот так – от груди и ниже. На кусочки. Так что и зашить не смогла, пришлось выбросить те лоскутки. Крутил и подбрасывал меня, как куклу, и не уставал совсем. Сейчас-то уж не так, как раньше. Дымится больше, чем огонь пускает. Полысел совсем в конторе-то этой, всё деньги зарабатывает. Ну и то, слава Богу!

Выслушав секреты эти, Женька удивленно заморгала, представив солидную фигуру Фёдора Васильевича в плаще, шляпе и с портфелем в руке. Кто бы мог подумать?.. Решив более не изводить соседку своими розыгрышами, призналась:

– Да я про Кольку говорю.

– Про какого Кольку? Про сына своего что ли? – тётя Маша опустила плечи и недоверчиво покосилась на Женьку. – Так вы что, вдвоём с Колькой едете в отпуск?

– Ну, конечно! С кем же ещё?

– Ну, ты, соседка, даёшь! Как ты меня обкрутила! Как обработала! Как развела! Сказки, говоришь, народные ...А я-то дура подумала, что ты с кем-то в постели порнуху друг другу читаете и он засыпает после первой страницы, – тетя Маша закатила глаза и захохотала так, что перепуганный Ричард выпрыгнул из-под батареи и помчался к входной двери, задрав крысиный хвостик и оглушительно лая. Смеялась она так заразительно, так сильно, от неё исходила такая живительная энергия, что Женька не выдержала и рассмеялась тоже. И сидели они так посередине кухни и хохотали изо всех сил, раскачиваясь от смеха на хлипких табуретах и утирая слёзы, выступившие на глазах.

Минут через десять, успокоившись, но всё ещё приохивая и прихихикивая, тётя Маша, поправив на голове съехавшую набок косынку, встала и, достав из шкафчика аптечку, поставила её перед Женькой. Отобрав всё, что ей было нужно, Женька поблагодарила соседку и собралась уж уходить, но, когда они подошли к двери, то неосторожно попросила присмотреть за квартирой пока их не будет. После чего, стоя на пороге уже распахнутой настежь двери, они, что называется «сцепились языками на приграничной полосе», и минут двадцать обсуждали с тётей Машей происшествие, случившееся в соседнем доме, где обокрали квартиру одного очень и очень богатого жильца, который... Впрочем, какой он из себя и откуда у таких людей деньги берутся, когда народ еле-еле концы с концами сводит, они обсудили также.

В общем, когда Женька вернулась к себе, Колька уже давно спал, тихонечко посапывая, и положив под щёку маленький кулачок. Женька поправила одело, прикрыв худенькие плечи сына, поцеловала его в висок и прошла к себе в комнату, где посередине, словно подготовившийся к прыжку кот, покоился пухлый чемодан.

Женька обошла вокруг, критически осмотрела его со всех сторон, попыталась поднять – вроде, не тяжёлый. Дотащим, тем более, у чемодана колёсики имеются – весьма ценная деталь в поездках. Справимся, не впервой. Выставила будильник на четыре утра и, погасив везде свет, легла на диване, не разбирая и не застилая постель. Успела подумать, что стоило бы отключить холодильник на время их отъезда и воду также, на секундочку закрыла глаза и сразу же после этого как будто сорвалась в бездонную бархатистую пропасть, без снов, без ощущений, без воспоминаний.

Глава 3

Поехали?..

Откуда-то издалека, будто с другой планеты, тоненькой, рваной струйкой под тяжёлые и одновременно хрупкие, рассыпающие при малейшем прикосновении, кружевные слои сна, что невозможно вспомнить ни одного видения, после того, как откроешь глаза, просочился дребезжащий, рваный звук работающего будильника.

С большим трудом, не открывая глаз, Женька повернула голову, протянула руку, нащупала часы и неосторожным движением плохо слушающихся пальцев опрокинула будильник, от чего в нём что-то пронзительно звякнуло и, судя по всему, оторвалось. Возмущённый таким грубым отношением к себе, будильник затрезвонил ещё более зло и отвратительно. Перевернувшись на бок, она опустила руку и, пошарив в темноте, ухватила вибрирующий от ярости корпус, поднесла циферблат к глазам и с удивлением обнаружила, что времени-то всего было четыре часа утра. И не семь, и не восемь, а неопределённые, никому неизвестные четыре часа – и не ночь и не утро, а непонятно что.

Какой-то злодей, по-видимому, решив поиздеваться над несчастной, измученной женщиной, выставил часы на четыре часа субботнего утра. И после всего этого, ну, не мерзавец ли он будет? Но кто этот коварный враг, кто посмел совершить такой неслыханный, но отчет-

ливо, до острой головной боли слышимый, невероятно коварный поступок, ведь никого кроме них с Колькой в квартире нет и быть не может. Наверное, по ошибке, с усталости, перевела неправильно стрелки.

Женька лежала на спине с закрытыми глазами, прижав к груди успокоившийся и пригревшийся будильник, слышала равномерное тиканье и постепенно начала погружалась в тёплую, мягкую перину сна, как вдруг откуда-то из темноты, словно ослепительная молния, пронеслась через её сознание ужасная мысль:

«Так, ведь сегодня нам улетать! Такси будет через час!»

Женька чуть не подпрыгнула на диване. Переход от сна к бодрствованию был настолько резким, что у неё закружилась голова и она несколько минут сидела, накинув одеяло на плечи, растирала лицо ладонями, пытаясь смести прочь липкие, словно паутина, остатки сна.

«Собираться! Немедленно собираться! Уже опаздываем. Ещё Кольку нужно будет поднять, потом умыться, потом накормить. Ох- ох- ох! А времени осталось меньше часа. Совсем забыла, совсем заспалась...»

Женька спрыгнула с дивана и, ступая на носочках по холодному полу, пробежала в Колькину комнату. По ходу зажгла везде свет. Склонившись над спящим сыном, поглаживая и целуя, легонько тормоша за плечо, принялась настойчиво будить его, приговаривая в полголоса:

– Коленька, Коленька, сынок, вставай, просыпайся. Нам нужно собираться. Скоро машина приедет, а мы ещё не готовы.

Первые две попытки поднять сына оказались безрезультатными. Приподняв и усадив его в кровати, Женька зачем-то отвернулась на минуту, но, обернувшись, видела, как Колька опять начинал заваливаться набок и, коснувшись щекой подушки, немедленно засыпал. Только с третьей попытки ей удалось добиться желаемого результата. Сидя на кровати, растирая сонные глаза кулачками, Колька жалобно причитал:

– Ма, а Ма. Может, не поедem никуда? Останемся. Спа-ать хочется.

Женька металась по комнате, собирая Колькины вещи. Обернувшись, она взглянула на сына, и сердце сжалось, мальчик сидел на краю постели, прижимая к себе обеими руками подушку, ежась от холодного воздуха и перебирая тонкими ножками, стараясь не касаться холодного пола, жалобно смотрел на неё.

«А может и в самом деле никуда не ездить?» – пронеслась в её мозгу малодушная мысль. – «Плюнуть на всю эту суету... С начальством поругалась и от путевки отказалась... Осталась и провела весь отпуск дома, не поехала на море... Ну, не дура ли будешь?..»

Решительно откинув все неразумные сомнения в сторону, Женька выпрямилась и, уверенно шагнув вперёд, взяла сына за теплую ладошку, повела в ванную комнату умываться.

– Поедем, дорогой. Как не поедem? Конечно, поедem. Мы, ведь, к морю едем! А там знаешь как здорово? Ты даже не представляешь. Нам нужно лишь проснуться, умыться, поесть и не опоздать...

К собственному удивлению, за сравнительно короткий промежуток времени, который оставался до прихода такси, Женька успела сделать всё или почти всё, что намечала: одела и накормила сына, привела себя в порядок и оделась сама, занесла запасные ключи к соседке, которая долгое время не открывала, но, всё же, сподобилась доползти до двери и, когда в дверном проёме показалась сонная, ничего не понимающая физиономия тёти Маши, то, извинившись, протянула ей два ключика. Тётя Маша, вспомнив недавний разговор, хоть и с трудом, по-видимому, перебирая в сонном мозгу обрывки сведений, полученных накануне из разных источников, сразу проснулась и ожила, немедленно пожелала хорошего отдыха, счастливого пути и, хитро прищурившись, добавила: «... и забываемых романов...», после чего Женька покраснела, махнув на прощанье рукой, поспешила вернуться к себе.

Когда снизу позвонили и сообщили, что такси пришло, Женька, неестественно изогнувшись и удивляясь с чего вдруг образовалась такая тяжесть, вытащила чемодан из комнаты в коридор, потом вернулась и, взяв Кольку за руку, присела с ним «на дорожку» на краешек дивана.

– Ма, а что мы сидим? Там же машина пришла. Мы никуда не едем? – Колька поднял на мать удивлённые глаза.

– Не мешай. Сиди молча. Так надо, – ответила Женька, сосредоточенно смотря перед собой. Просидев, не шевелясь с минуту, она встала, перекрестилась на иконку, что скромно стояла в уголке на шкафу, пробормотала молитву в дорогу, кукую ещё бабка ей показала, взяла заинтригованного Кольку за руку и вышла в коридор.

Машина ждала их у дома. Выйдя из подъезда, Женька остановилась на пороге и с любопытством осмотрелась по сторонам.

Город спал. Тёмные окна домов взирали на неё холодно и безжизненно, словно стекла пенсне и в них отражались разбегающиеся в разные стороны цепочки фонарей, освещающие безлюдные улицы призрачным, голубым светом.

Странное это было ощущение – стоять вот так, по середине спящего, будто вымершего, города, который сейчас отдыхает и расслабился, но пройдёт всего лишь несколько часов и начнёт оживать, выплеснется на тротуары, растечётся по улицам, устремится к многочисленным конторам, заполнит нежилые помещения, где в будничной суете и толкотне раздробится на миллионы осколков, снующих без определённой личной цели по многим километрам офисных коридоров.

Осколки на ножках или как их ещё принято называть: операционные единицы, численный персонал, «челы» (от формального сокращения слова «человек» в документах и разных справках – чел.), представители среднесписочного состава, которые только и делают, что перетаскивают тонны бумаги вначале вверх, затем вниз, потом обратно и постоянно звонят куда-то, выясняя что-то, среди себе подобных, судорожно пытаюсь разобраться в хитросплетении фраз, или сидят с мутными глазами, упёршись взглядом в экраны опостылевших компьютеров, вяло поглядывают на минутную стрелку, что безучастно ползёт себе по кругу, или нервно подрыгивают ногами, когда в дальнем кольце коридора мелькнёт фигура начальника, чья деятельность за целый день, а то и дольше, не поддаётся разумной оценке, а потому он очень опасен в своей непредсказуемости, и встречи с ним следует избегать, а также ревниво следят за соседями и всё время ёрзают на протёртых стульях, разрываемые тайными страстями и желаниями, бурлящими в организмах, прикованных страхом о хлебе насущном к надоевшим до омерзения столам, задумчиво постукивают костяшками пальцев и кидают мечтательные взгляды через окно на соседнее серое здание, строя безнадёжные планы о том, каким образом изменить свою жизнь, чтобы раз и навсегда сбежать из этого сумасшедшего дома или, по крайней мере, развлечения ради, перебраться в другой, такой же серый, но на противоположной стороне улицы.

Это называется работой, службой, служением обществу, исполнением трудового долга, добытием «хлеба насущного»...

Ох, уж этот «хлеб насущный» и его потребитель – «брюхо ненасытное». Жил бы один – так можно было бы и перетерпеть как-нибудь, но когда от твоего «хлеба» зависит жизнь другого человека, а то и не одного, вот тут приходится кланяться в ножки тем, кто хлеб этот раздает. Неприятное занятие, однако, зная, что тип тот, ну, ничуть не лучше тебя самого, а зачастую и глупее, аморальнее, да и сообразованием у него проблемки, но... тем не менее, приходится унижаться и забывать о самом себе, чтобы получить обещанную горсть, пусть и не хлеба, а монет, но всё равно... Голод – не тётка, уговорам не поддаётся. Однако, самое забавное то, что когда «хлеб» на столе появляется регулярно, сразу же начинает тянуть на «зрелища», а вот эта субстанция безграничная – всё время хочется больше и изощрённей, и, чтобы и не скатиться назад, а получать «зрелища» ярче, утончённее, новей, лучше, чем у

соседа..., приходится «крутиться» еще быстрее, кланяться еще ниже, еще глубже, а иногда так и просто ползать на четвереньках или лежать ничком, чтобы на тебя наступали, чтобы тем, другим, удобнее было достать что-то сверху или спустить вниз.

И никуда не денешься. Попробуй, оторвись от своего стула и стола. Немедленно возникает вопрос о «хлебе насущном». И речь идёт уже не о «зрелищах», а о том, чтобы укротить «брюхо ненасытное» и не только своё. А делать-то ничего не умеешь, кроме как сидеть за этим столом.

Раньше, когда помоложе была, так по незнанию жизни напор присутствовал в делах, искал как и где знания применить свои, но потом незаметно всё это затёрлось, угасло и остался стол и стул, но вместе с тем пришло «знание жизни», а с ним и страх, что могут отнять у тебя «хлеб» твой.

Недаром в молитве говорится: «... Отче наш... хлеб наш насущный даждь нам днесь...», чтобы если и кланяться, так не тем, кого презираешь и кому мысленно вслед плюёшь.

А ведь говорят и пишут, что рабство упразднили. В чистом виде – да, но придумали новые формы – изодранные и скрытые.

Однако время неумолимо течет и стрелка на часах касается заветной черты и всё вокруг оживает, начинает шевелиться, шуршать, передвигать вещи, выползает из-за столов, потягиваться, разминаясь перед дорогой. И в один момент, сорвавшись с места или тихонечко, чтобы не привлекать к себе ненужного внимания, выскальзывают, заполняя улицы и устремляясь на этот раз в обратном направлении, подобно волне, которая накатив на берег, некоторое время остаётся на месте, крутит на поверхности всякий мусор, а потом скатывается обратно в море, оставив за собой холодные и безжизненные серые конторы с бесконечными рядами безликих столов.

Возвращаются в свои дома и за оставшиеся до конца дня часы судорожно пытаются наверстать бездарно упущенное время. Стараются для себя-любимого, для себя– страдальца сделать ну хоть что-нибудь приятное и может быть даже полезное. Однако, как правило, срываются, мечутся, хватаясь за всё подряд и ничего не успевая закончить, и, в конечном итоге, с чувством неопределённого недовольства и раздражения залезают в постели, проваливаются в глухой сон, чтобы поутру, под отвратительные звуки будильников, подпрыгнув и ошалело ворочая глазами, морщиться от головной боли и массировать виски, отчаянно пытаясь сообразить, а что же происходит вокруг?.. Вспоминают, что всего лишь середина недели, рушатся в изнеможении на подушку и, лежа с закрытыми глазами, ругают метеорологов за то, что не подсказали вчера как нужно сегодня одеться.

И всё начинается сначала.

Женька не могла вспомнить, чтобы когда-нибудь выходила из дома так рано. Остановившись в дверях, с наслаждением вдохнула чистый, ломкий от раннего морозца воздух, без дыма и копоти, осевшей за ночь на тротуары. Задержала на несколько секунд дыхание и выдохнула густое облачко пара. Посмотрела на темное небо, где робко перемигивались крохотные, редкие звездочки, словно кто-то проколол тонкой булавкой в нескольких местах черную бумагу, за которой с обратной стороны сияет ослепительный свет. Трудно поверить, стоя здесь, на грязном тротуаре, что где-то есть тёплое море, сияет горячее солнце, и люди не кутаются в шарфы от холода, а ходят в майках и шортах, загорают и купаются, беззаботно сидят в кафе, а не носятся друг за другом, размахивая пачками бумаги. Трудно поверить, но это не значит, что всего этого нет, а потому имеет смысл проверить и самому во всё убедиться.

Подняв воротник и прижав его пальцами под самым подбородком, Женька подхватила чемодан и покатила его на скрипучих колёсиках к машине. Колька, как привязанный семенил сзади, не отставая от матери ни на шаг.

Шофёр охнул, приподняв чемодан, но, всё же, оценив хрупкую Женькину фигурку, решил оставаться до конца любезным и помог затолкать его в багажник, рядом с парой мятых канистр и ящиком промасленных инструментов. Он даже придержал дверь и подождал, пока Женька с Колькой не усядутся на заднем сиденье, тесно прижавшись друг к другу, пытаясь согреться в холодном салоне. Потом плюхнулся на своё промятое кресло, покрытое обрезком яркого восточного ковра, изо всех сил вдавил в пол педаль газа и машина, сорвавшись с места, громыхая, позвякивая всеми своими соединениями, понеслись по пустынным улицам спящего города.

Женька недоверчиво посматривала на высокий, бритый, в глубоких морщинах затылок шофёра, косилась по сторонам на мелькающие за стеклом темные дома, пустынные улицы и отрешено думала:

«Главное, чтобы не завёз куда-нибудь, а то здесь всякое случается. Бог даст, всё будет хорошо. Кажется, приключения начались...» – и, обняв Кольку за плечи, посильнее прижала к себе. – «Что ж, в любом случае, это лучше чем сидеть как гриб на одном месте. Посмотрим, что из всего этого получится».

От того, что они ехали по спящему, пустынному городу в одном автомобиле с неизвестным мужчиной страха Женька не испытывала. Было ощущение неуверенности, лёгкого беспокойства, потому что она редко попадала в такие непривычные обстоятельства. Жизнь утекала равномерно, однообразно и скучно, по капельке, каждый день, каждый час, каждое мгновение... Но и одновременно с этим чувством неуверенности присутствовало чувство волнения, как у человека, стоящего на пороге, а за дверью ждут новые впечатления, встречи и приключения, от ощущения, что где-то, пока ещё далеко, начались какие-то изменения в её жизни – неопределенные, пока еще недостижимые, туманные, неясные, но надвигающиеся неумолимо.

Колька же ничего не боялся и ни в чём не сомневался. Он сидел рядом с мамой, и этого было достаточно, чтобы ни о чём не беспокоиться, а то, что за окнами вдоль пустых улиц протянулись дома с тёмными, глухими окнами – так это даже интересно. Когда такое ещё увидишь.

До аэропорта добрались на удивление быстро. Огромный купол ярко освещенного здания, оплетенного со всех сторон запутанной системой автомобильных «развязок» и стоянок, поднялся из-за поворота. Подъезжая и выруливая по узким дорожкам, они вдруг услышали стремительно нарастающий гул, от которого хотелось пригнуть голову, и над ними, перемигиваясь разноцветными огоньками, распластав огромные крылья, словно сказочный дракон, пронёсся самолёт.

Колька весь вывернулся и, выскользнув из Женькиных рук, прилип к стеклу, провожая восхищённым взглядом удаляющийся лайнер.

– Ма! Мы на таком полетим? – он обернулся, требуя ответа, глаза его восхищенно сияли, в них не было ни капельки сна, ни намёка на усталость.

– На таком, на таком. Сиди спокойно, уже приехали, – ответила Женька, притягивая его за рукав.

Разгрузившись перед высокими стеклянными дверями, Женька расплатилась с водителем аккуратно по счётчику, а в качестве ожидаемых чаевых сердечно поблагодарила за оперативность, потому что не нравилось ей баловать людей своими скромными деньгами, вольности не допускала и очень серьёзно подходила к этим вопросам. Подхватив чемодан и поймав Кольку за руку, развернулась и, не оглядываясь более на недовольного водителя, поскрипывая колёсиками, покатила внутрь аэровокзала.

В этот ранний час огромный, гулкий зал под сложным и тяжёлым потолком представлял из себя то, что принято называть сонным царством. Кое-где, словно сомнамбулы, бесцельно бродили редкие граждане. Останавливаясь напротив закрытых киосков, равнодушно рассматривали разноцветный хлам, выложенный на витринах в виде ярких безделушек и глян-

цевых журналов с изображениями таких объёмных телесных форм, что создавалось впечатление, будто они свисают с прилавков. Основное назначение этой печатной продукции – судя по всему, отвлечь потенциальных пассажиров от неприятных мыслей, связанных с хрупкостью конструкций летательных аппаратов и жёстким обращением со стороны погранично– таможенной службы.

Почти все скамьи и кресла в зале были заняты вещами и люди, облокотившись на чемоданы или подложив сумки под голову, тихонько дремали. Огромное панно с расписанием рейсов, подвешенное в центре, одновременно служило гигантским будильником. Перемигиваясь разноцветными огоньками, оно отсчитывало уходящее время и, когда самолёт совершал посадку или готовился к отлёту, сверху начинал звучать мелодичный перезвон, и подозрительно радостный голос произносил несколько неразборчивых фраз, как правило, завершая объявление на иностранном языке. Сразу же после этого обескураженные сонные граждане вскакивали со своих мест, как ужаленные, и, нервно оглядываясь на оставленные вещи, устремлялись под табло, где, задржав головы, по шенячьи шурясь спросонья, судорожно пытались расшифровать вывешенную там информацию, но, убедившись, что изменений никаких нет и не ожидается, разочарованные они отползали на свои места и, взбив повыше сумки и куртки, подложив их под головы, ворочаясь и лягая соседей, укладывались вновь.

Войдя в здание аэропорта, Женька, не теряя ни секунды, решительным шагом направилась к этому самому информационному табло. Колька, семена ножками, с любопытством оглядываясь по сторонам, старался не отставать от матери ни на шаг.

Посадку на рейс уже объявили, и Женька подхватила сына за руку, не задерживаясь дольше, поспешила к указанному терминалу. Там уже образовалась небольшая очередь. Пристроившись в «хвост» она облегчённо вздохнула. Успели, значит, спешить дальше некуда, сейчас начнёт работать система, и от них уже ничто не зависит.

Женька нагнулась, сняла с Колькиной головы шапочку, провела ладонью, приглаживая растрепавшиеся волосы, расстегнула на нем курточку и, прижавшись губами ко лбу, проверила, всё ли нормально: температуры нет и это хорошо.

– Ма, я пойду, погуляю... – Колька крутил головой из стороны в сторону, выглядывая из-под материнной руки, привлечённый яркими огоньками и пёстрыми витринами

– Куда это ты собрался? – Женька подозрительно прищурилась.

– Я тут. Недалеко буду. Посмотрю что продают.

Женька понимала, что удерживать бесполезно – столько соблазнов вокруг. Оставь его рядом с собой – задёргает и мать, и сам изведётся.

– Ну, ладно, иди. Только, далеко не уходи. Чтобы я тебя видела и на улицу ни ногой. Скоро наша очередь подойдёт.

Колька утвердительно кивнул головой и, вывернувшись из рук, побежал через весь зал к ближайшему киоску. Женька оглянулась. Следом за ними в очередь встали высокая женщина с девочкой, последним очередь занял молодой мужчина. Девочка держала мать за руку, раскачивалась из стороны в сторону и, несмотря на то, что ей ужасно хотелось походить между сувенирных лавок, поглядеть по сторонам, всё же не отходила ни на шаг.

Женька отвернулась. Что-то в облике этой женщины показалось ей удивительно знакомым, но Женька была более чем уверена в том, что до этого момента они не встречались.

Она отвела взгляд в сторону и осторожно начала рассматривать отражение женщины в стекле ближайшей к ним витрины. Высокая, стройная, лет за тридцать. Далеко за тридцать... Немного сутулится, одна рука на уровне груди. На лице усталое, немного обречённое выражение. Женька перевела взгляд на своё отражение. К сожалению не такая высокая, но та же поза – плечи немного опущены, руки скрещены на груди, словно защищаясь от невидимого противника. Есть что-то общее. Да, похожи... И ещё одна особенность, которая не сразу привлекла её внимание, наверное, потому, что давно уже приучала себя к этой мысли и изо всех

сил старалась не обращать на это внимание, если вообще к подобному можно привыкнуть – их никто не провожал, никто не давал ценных указаний в дорогу, не помогал переставлять вещи, никто просто так не стоял рядом, не держал за руку. Что тут поделаешь? Похоже, что ничего...

Очередь шаг за шагом, под ритм лязгающих звуков, отбиваемых стальными печатями, продвигалась вперёд, замирая перед потёртой красной линией, олицетворяющей собой государственную границу за сотни километров от настоящей границы.

Люди делали шаг вперёд, наклонялись, поднимали свои вещи, переставляли, выпрямлялись, ждали, пока не ухнет за стеклянной перегородкой, опять шаг вперёд ... и так метр за метром. Счастливики, перешедшие на ту сторону, отрывались от этого многоного тела и в радостном возбуждении отлетали в направлении работающих круглые сутки магазинов беспощинной торговли, где, стоя перед витринами, обескуражено переводили взгляд с одного ценника на другой, недоумевая по поводу уровня цифр, освобождённых от налога, и будто мухи, ударившиеся со всего размаха о стекло, оседали на истоптанный мраморный пол, вспоминая, что до настоящей границы, на самом деле, ещё очень и очень далеко.

Когда подошла очередь переступить через заветную красную линию, Женька остановилась на самом краю, стараясь не касаться её даже носками туфель, и терпеливо ожидала, пока чиновник в глубине стеклянной будки не грохнет об стол печатью и очередной гражданин не выпорхнет на ту сторону. Пойманный в дальнем углу зала за несколько минут до этого, Колька, почувствовав как в матери нарастает напряжение, и рука всё крепче сжимает его ладошку, то же притих и послушно стоял рядом.

«Что-то я нервничаю...» – подумала Женька. – «А с чего бы это? Ничего противозаконного никогда не совершала, а всё равно нервничаю, будто перед вынесением приговора, а это, всего– навсего, паспортный контроль и ничего более. Проверят фотографию и всё. Дальше в самолёт. Но ноги так и ходят ходуном, даже озноб прошиб. Какая-то ерунда, честное слово. Наверное, эти неуверенность и страх достались мне от родителей и бабушек с дедушками. Они-то знали, что такое паспортный и всякий другой контроль. Уж времени сколько прошло, а всё равно страшно. Должно быть, на генном уровне что-то изменилось, безвозвратно отпечаталось и передаётся теперь из поколения в поколение. Хорошо бы на мне это и закончилось».

Женька обняла Кольку за худенькие плечи и прижала к себе покрепче, оглянувшись по сторонам и, нагнувшись к вещам, поймала себя на том, что как заклинание от действия злых сил повторяет одну и ту же фразу, лицемерно-жалостливую, словно скороговорка попрошаек, унижительную и одновременно ненавистную:

«... Я мать-одиночка, еду с сыном на отдых. Я мать-одиночка, еду с сыном на отдых...»

С предыдущим пассажиром было покончено, и он скрылся из виду, место в будке освободилось. Женька, неуверенно шагая, прошла вперёд и остановилась перед стеклом, за которым виднелись чьи-то плечи в погонах и аккуратно подстриженная макушка.

– Добрый день... – робко поздоровалась Женька и тут же смущенно замолчала, подумав, что сейчас раннее утро и правильное было бы произнести «доброе утро», но извиняться и поправлять себя не стала, да и не имело смысла вообще что-то говорить, когда в ответ, всё равно, не было произнесено ни слова, глухое молчание и шорох неторопливо перебираемых бумаг, да клацанье клавиш.

Колька встал на цыпочки и, подтянувшись на пальцах, вытянул тоненькую шею, пытаясь заглянуть за прилавок. Женька протянула паспорт, осторожно положила рядом с противоположным краем. Не поднимая головы, человек под прилавком поднял руку и молча утащил паспорт к себе вниз. Полистав, он поднял глаза, холодные и равнодушные, как два ствола. Женька замерла, сердце у неё ёкнуло и остановилось, стараясь не моргать, смотрела прямо в его зрачки, будто готовилась к тому, что сейчас её сфотографируют, а в голове совсем неуместным, весёлым хороводом кружилось:

«Я мать-одиночка, я мать-одиночка, я жук-пилильщик, пилю по своим делам. Наверное, сейчас с этими выпученными глазами я похожа на сову...».

Человек за прилавком опустил глаза, постучал где-то внизу по клавишам, оглушительно хлопнул печатью, и паспорт, взмахнув страницами, выпорхнул наружу. Женька подхватила его почти что налету, облегченно выдохнула и, схватив покрепче Кольку за руку, быстрым шагом, чуть ли не бегом прошла на противоположную сторону. Уходя от пограничного поста, обняв сына за плечи, она радостно зашептала:

– Колька, Колька, мы за границей!

– Правда, Ма?! Так быстро? – Колька удивленно оглянулся по сторонам, не очень понимая, как это получилось, что всего лишь несколько минут назад они были в одной стране, но, переступив какую-то «волшебную» красную линию, грубо намалёванную на полу, вдруг оказались «за границей». Но какие только сюрпризы не случаются в мире взрослых, к тому же он всецело доверял матери и если она сказала, что они уже «за границей» – значит, безо всяких сомнений, они уже там.

– Да, да! Нам осталось, только, сесть на самолёт и мы у моря.

– Здорово!

– А сейчас, Колька, айда по магазинам! Посмотрим, чем здесь торгуют.

Пребывание «за границей» начало ему нравиться, и чем дальше, то всё больше и больше.

– Ма, Ма, я там, ... ну, до границы, в одном киоске видел такую штучку, она с лапками, а в середине небольшой шнурочек, её можно прикрепить на руль велосипеда, она светится в темноте. Похожую я у Сашки видел.

– Посмотрим. Если найдём, то может быть и купим, – уклончиво ответила Женька.

Они устремились в направлении ярко освещенных витрин, где другие граждане, которым также посчастливилось без значимых последствий переступить границу, в задумчивости выстроились вдоль полок с товаром.

Обойдя за час все открытые к этому времени магазинчики, и, устав немного от яркого света и пёстрых наклеек, Женька присела на одно из пластиковых кресел, в ряд с другими пассажирами, что умотавшись и утомившись от поиска товаров подходивших под их представления о соответствии цены и качества. Колька устроился рядом, болтая ногами. Он с интересом рассматривал прозрачную коробочку с миниатюрной моделью гоночного автомобиля, что, как показалось Женьке, было гораздо более ценным приобретением, чем та «штучка с лапками», которая должна была светиться в темноте, если дёрнуть за хвост.

Поставив рядом пакетик с коробочкой французских духов и ночным кремом, приобретённым по случаю, а также бутылочкой кофейного ликёра и пузырьком коньяка, купленными не в угоду сомнительным аппетитам и привычкам, а чтобы «с помпой» отпраздновать прибытие, а также для целей медицинских, Женька смотрела как за огромными фасадными стёклами в сером утреннем свете всё четче вырисовываются силуэты пассажирских лайнеров, которые, словно огромные рыбы, дремали на краю бетонных полос, готовые в любой момент развернуться и, набрав скорость, под грохот ускоряющихся двигателей, подмигивая разноцветными огоньками, унести в небеса.

Женька представила себе, как по прилёту, вечером, сидя на берегу, нальёт себе немного коньячку, погреет стакан в ладонях, закусит свежими фруктами и будет, не отрываясь, смотреть, как волны плещутся у ног её, накатывая с шорохом на песок.

«Скорее бы добраться до места, а то в сон начинает клонить. Глаза так и закрываются, хоть спички подставляй. Похоже, что начинает сказываться усталость от последних суматошных дней и бессонной ночи».

Глава 4

Летим!

Как ни странно, но аккуратно по расписанию, без задержки, без опоздания, объявили посадку. Пассажиры поднялись с кресел, где отдыхали после изнурительного марафона вдоль товарных полок, опять выстроились в неровную очередь.

Та женщина с девочкой, что привлекла Женькино внимание перед паспортным контролем, на этот раз шла впереди, на несколько человек раньше. В руках она несла небольшой ярко раскрашенный пакет, по форме и, наверное, по содержанию похожий на тот, что Женька держала, прижав к себе, а девочка, оглядываясь по сторонам, послушно семенила рядом и несла другой пакетик, размером поменьше. Женька вздохнула, опустила глаза и посмотрела на Кольку. Он бодро вышагивал с гордым видом, прижимая к себе коробочку с моделью автомобиля.

«Мужичок мой...» – ласково погладила его по голове. Колька вопросительно посмотрел на мать. Женька ободряюще улыбнулась – всё будет хорошо.

По обе стороны от люка выстроились стюардессы, они заученно улыбались, но при этом взгляд их оставался холодным и оценивающим, как у придирчивого покупателя. Разглядывая пассажиров, заглядывали к ним в билетки и потом, оживлённо жестикую, будто объясняли глухонемым, показывали обеими руками, словно регулировщики, что нужно вначале пройти прямо, затем, легко изогнувшись, проводили ладонями в воздухе то направо, то налево, указывая дальнейшее направление следования.

Пассажиры с любопытством наблюдали за этой пантомимой, безропотно кивали головами, соглашаясь, официальное лицо всё-таки. Мужчины, отступив на шаг, наклонив голову, с нескрываемым интересом следили за изгибами приятного во всех отношениях женского тела, улыбались в ответ, напрасно пытаясь поймать взгляд холодных глаз. Потом проходили в салон и, немедленно забыв о полученных инструкциях, нагибались над рядами кресел и, пользуясь методом хорошо отработанным в кинотеатрах, выискивали свои места.

Конечно, случались и недоразумения, куда же без них: те редкие пассажиры, что поддались уговорам милых девушек и строго следовали их инструкциям, как правило, оказывались на чужих местах. А будучи обнаруженными там законными владельцами, да еще и расположившимися с комфортом в привилегированных креслах около иллюминаторов, само собой разумеется, отказывались уйти, объясняя своё присутствие тем, что вон те официальные лица в юбках указали им на эти места. Как могли повторяли жестах виденную ими пантомиму и призывали в свидетели тех самых стюардесс, которые, однако, не спешили прийти на помощь. За этим обычно следовал краткий, но энергичный выброс эмоций, тон голосов поднимался до пронзительного визга и, привлечённые не соответствующим инструкции и полётным правилам шумом, девушки бегом покидали свой пост у открытого люка и устремлялись в самую гущу зрителей, разнимать спорящих.

Женька же, как человек самостоятельный, привыкшая принимать решения и отвечать за свои действия, особенно не задерживаясь и не отвлекаясь понапрасну на такие крупные мелочи, как грудь или бедро, легко переступив через высокий порог, быстро прошла мимо «регулирующих».

Свои кресла она, к сожалению, нашла в непривилегированном среднем ряду, располагающемся на равном расстоянии от иллюминаторов правого и левого борта. Но нет худа без добра. Никто не претендовал на их места, а потому они спокойно расположились и, разложив свои вещи по полочкам, принялись терпеливо ждать, когда закончится посадка.

Хотя Колька в самом начале немного расстроился, потому что мечтал посмотреть на уплывающую под крылом самолёта землю и даже пытался изобразить недовольство, но очень скоро смирился, особенно после того, как мать строгим голосом предупредила его, что оставит одного в аэропорту, если он не прекратит ёрзать, как ужаленный, и попросила пристегнуться широким ремнём с огромной пряжкой. А тут ещё на спинке противоположного кресла был придуман маленький откидной столик, очень удобный. Воспользовавшись им, он наконец-то

смог извлечь из коробки купленный автомобиль и катал его по столу, рассматривая со всех сторон.

Наконец пассажиры расселись, пристегнулись и уgomонились. Всем вещам нашлось место: на полках и под креслами, в ногах. Нашлось место и для ног, которые вначале не знали куда пристроить из-за малого расстояния между рядами кресел, но потом приспособились и перестали обращать всякое внимание на временные неудобства.

Стюардессы закрыли люк и лайнер, вырубив на взлётную полосу, поревел немного двигателями и, разогнавшись, устремился куда-то вверх. Женька судорожно схватилась одной рукой за подлокотник, а другой изо всех сил сжала Колькину хрупкую ладошку. Колька же бесстрашно вытягивал свою тоненькую шейку и пытался заглянуть в иллюминатор через три кресла. Увидеть, конечно же, ничего не получилось – слишком маленькое окошко, но и без этого всё вокруг было так интересно, необычно.

Спустя минут тридцать после взлёта по проходу между рядами медленно двинулись тележки гружённые съедобными припасами. Ничто так не поднимает настроение, как перспектива хорошенько подкрепиться, особенно в пути, и пусть этот путь пролегает на высоте десяти тысяч метров – сей факт никого не смущает.

Завидя приближающиеся тележки, подталкиваемые сзади неизменно улыбающимися стюардессами, пассажиры заметно оживились, зашевелились в креслах, отложили глянцевые журналы, перестали сонно таращиться на облака и начали проверять на боеготовность свои откидные столики, опуская и хлопая ими обратно так, что впереди сидящие вздрагивали и раздраженно морщились, но сильно не возмущались, а, сердито пришепывая, предпочитали отыгрываться на тех, кто сидел перед ними.

Женька убрала со стола маленький автомобиль, бережно упаковав его обратно в коробку, откинула свой столик и, когда одна из тележек поравнялась с их рядом, из всего предложенного выбрала для себя и Кольки курицу. Стюардесса выложила перед ними два пластиковых подноса, улыбнулась Кольке, при этом взгляд её на мгновение потеплел, но лишь на мгновение. Выпрямившись, она протолкнула тележку к следующему ряду и равнодушно продекламировала:

– Говядина, курица, рыба...

Женька сняла крышечку с одного из лотков и с удивлением воззрилась на зелено–желтый предмет, по форме напоминающий птичье крыло. Подцепив его на кончик вилки, осторожно перевернула, разглядывая то так, то сяк. Точно! Это крыло и очень похожее на куриное... Но цвет... Откуда такой мёртвенно зелёный цвет? Женька не могла вспомнить, чтобы когда-нибудь доводила продукты до такого состояния. Даже в тот роковой день, когда холодильник сломался и пришлось часть продуктов спрятать у тёти Маши, даже тогда почти всё удалось сохранить или использовать по назначению... А здесь? Да ещё волоски какие-то подозрительные торчат из пупырчатой кожи. Наверное, тушку не опалили. Она взглянула на Кольку. Тот же, схватив обеими руками похожий по цвету и форме предмет, как голодный волчонок, уже примеривался к тому, чтобы откусить кусочек побольше. Почему-то в памяти всплыл роман одного писателя, где почти все пассажиры и экипаж отравились рыбой, любезно предложенной вечно улыбающимися стюардессами, и самолёт пришлось сажать какому-то непонятному субъекту, в неизвестном аэропорту, после чего стюардессы перестали улыбаться вплоть до последней страницы.

«Нет, нам такого не надо... Перетерпим как-нибудь», – решила Женька.

– Коля, сынок, подожди-ка. Не ешь эту ... курицу.

Колька поднял на мать удивлённые глаза.

– Почему?

– Что-то она мне не нравится, – задумчиво ответила Женька. Перспектива начать отпуск с желудочно-кишечных проблем её не устраивала. И хотя запас таблеток, полученных от тёти

Маши, предполагал всякие ситуации – рисковать не имело смысла. Колька с недовольным видом положил кусок обратно.

– Ма, а я есть хочу, – уверенно заявил он, не отрывая взгляд от курицы.

– Потерпи немного, скоро прилетим. Что-то она мне не нравится, – повторила Женька. – Возьми моё печенье, масло. А это давай сюда. Ты ведь не хочешь заболеть, как болел этим летом на даче у бабушки. И мне не нужно, чтобы у тебя живот болел. Да и не кому это не надо. Правда, ведь?

Колька неуверенно кивнул головой, недовольно поджав губы, проводил взглядом мисочку, которую Женька забрала с его подноса. Взамен она отдала ему всё своё печенье и масло.

«Лучше перетерпеть. Так спокойнее будет. Не из голодного края летим, всё-таки... Из дурного до дикости и нищеты, но не голодного».

Женька аккуратно, одну в другую, сложила миски на подносе, пересыпая содержимое в последнюю сверху. Нагнувшись к пакету с покупками, она достала бутылочку кофейного ликёра. Отлив немного в чашку, пригубила содержимое, наслаждаясь пряным, сильным ароматом кофе, в меру сладким, чуть– чуть с горчинкой, и приятное, расслабляющее тепло, словно раскалённый поток, понеслось по жилкам, добираясь до самой последней клеточки тела.

Женька извлекла бутылку и с интересом посмотрела на свет. Неплохое приобретение. Однако, с этим напитком нужно вести себя поосторожнее – уж очень вкусен.

Она оглянулась вокруг. Рассыпая крошки по полу, брызгаясь, пассажиры с жадностью необыкновенной накинулись на предложенную еду.

«Может быть, не стоило паниковать, и я зря отказалась от курицы и Кольке не стоило запрещать», – засомневалась Женька.

Приподняв крышечку с миски, она ещё раз критически оценила содержимое, после чего уверено закрыла и придавила ладонью поплотнее.

«Нет, всё верно – лучше это не есть».

А спустя минут тридцать Женька получила полноценное подтверждение правильности своих действий.

Самолёт попал в зону, которую неизменно улыбающиеся стюардессы называли «турбулентностью». Проходя вдоль рядов кресел, ловко балансируя в трясущемся и раскачивающемся из стороны в сторону лайнере, они принялись щедро раздавать направо и налево бумажные пакетики.

Вначале Женька почувствовала как все они, вместе с самолётом, куда-то проваливаются, всё ниже и ниже, всё глубже и глубже, в какую-то бездонную воздушную «яму», при этом сердце её, подпрыгнув, отчаянно заколотилось где-то в районе горла и сразу же заложило уши. Колька испуганно посмотрел на мать и нервно заёрзал в кресле. Женька обняла его за плечи и прижала к себе. Достигнув в своём стремительном падении «дна», лайнер замер и начал набирать высоту, и сразу же возникло неприятное ощущение, будто желудок по инерции продолжает опускаться всё ниже и ниже, вначале к коленям, затем он пополз по направлению к пяткам, сжимаясь при этом и освобождаясь от своего содержимого.

Со всех сторон слышались глухие, мычащие звуки – народ решительными темпами принялся избавляться от проглоченных не так давно продуктов, что весьма позабавило Кольку. Наблюдая за происходящим, он забыл все свои тревоги и крутился как юла, вытягивая худенькую шейку, пытался заглянуть через спинку соседнего сиденья, подсматривая за пассажирами, при этом каждый раз морщился, но не унимался. В общем, вёл себя в высшей степени неприлично, за что и получил от матери нагоняй, но совсем не обиделся.

Какой-то гражданин, по-видимому исчерпав свой и, наверное, соседский запас паке-тиков, с выпученными от напряжения глазами, прижимая миску ко рту, промчался в хвост самолёта, туда, где располагалось несколько туалетов, безнадежно занятых в то самое время.

Женька проводила его взглядом, изо всех сил стараясь сохранить на лице сочувственное выражение. Перегнувшись через подлокотник, она смотрела на широкую спину с энергично работающими лопатками и, отведя глаза в сторону, неожиданно встретила взглядом с молодым человеком – тем самым, кого она видела в очереди в аэропорту и на которого тогда не обратила особенного внимания. Молодой человек многозначительно поднял брови и, нарисовав в воздухе пальцем крест, дал понять, что пассажир до цели не добежал.

Женька не выдержала и улыбнулась. Улыбнулась и сразу же отвернулась. Странная эта тема. Несмотря на свою очевидную неприглядность, почему-то всегда вызывает улыбку и сарказм.

Воспользовавшись всеобщим замешательством, Колька, устав сидеть на одном месте, выскользнул из-под материнской опеки и пошёл гулять по самолёту. Проходя вдоль рядов и посматривая с любопытством по сторонам, он ушёл в хвост, к задним рядам, где нашёл несколько свободных кресел. Усевшись поудобнее, Колька выглянул в иллюминатор и замер, прижавшись лбом к холодному стеклу, завороченный открывшимся его взгляду ослепительным космическим пейзажем.

Белоснежные облака, громоздясь друг на друга, проплывали так близко, что казалось до них можно дотронуться рукой. Сливаясь друг с другом, они скрыли от глаз землю за таким густым слоем, что создавалось ощущение, будто по ним можно свободно ходить, ступая босиком, как по плотному ковру из ваты. Облака, разрастаясь и клубясь, принимали самые причудливые формы и там, внизу, под крылом самолёта, можно было легко найти и башни сказочных замков, и голову дракона, что незаметно вытянулась и превратилась в ставшего на дыбы коня, и огромное вертикальное облако, подобно гигантскому дереву, тянущемуся всё выше и выше, поднималось и клубилось, заслоняя собой солнце, которое светило так ярко, что Колькины глаза начали уставать.

Прищурившись, он продолжал разглядывать всё это ослепительное великолепие, потом моргнул один раз, другой... Откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Здесь его Женька и нашла мирно спящим. Одна из стюардесс сняла с него ботиночки и поставила рядом с креслом, накрыв ножки пледом и подложив под голову маленькую подушечку. Женька второй раз за день смотрела на спящего сына и сердце вновь сжалось от приступа жалости – так не хотелось его будить, что она несколько минут молча стояла рядом, но самолёт уже начал заходить на посадку, зажглись предупредительные табло и Женька, присев на краешек кресла, провела легонько ладонью по Колькиной щеке, пригладила растрепавшиеся волосы.

Глава 5

А где же море?

Когда под дружные аплодисменты пилот увесисто посадил самолёт, и всё вокруг закрипело, застонало и затряслось, стюардессы попросили пассажиров не вставать со своих мест до полной остановки, что все, почему-то, восприняли их слова как команду «На Старт» и немедленно повскакали и забегали по салону, будто ошпаренные. Женька, поддавшись вначале всеобщему паническому настроению, тоже потянулась было за своими вещами, но толкотня в проходе между рядами была хуже, чем на входе в метро в час-пик, и, осознав тщетность своих попыток опустить сумки вниз, вернулась на своё место, а Кольку, спросонья испуганно таращившегося на мечущихся вокруг пассажиров, усадила рядом.

– Нечего скакать, уж прилетели, слава Богу, да и дальше таможни, всё равно, не убежишь.

Нагнувшись, Женька выглянула в ближайший иллюминатор, но кроме кусочка бетонной полосы и каких-то приземистых построек неопределённого назначения, ничего не увидела. Вот, только небо показалось ей странным. Светлое, светло-голубое, белёсое, без единого облачка. Такое небо она видела этим летом в самую жару, когда город буквально плавился от

нестерпимого зноя, и нельзя было найти даже крохотного уголка, где можно было отдохнуть от утомительной жары.

Женька вернулась к себе в кресло и, обняв Кольку за плечи, решила подождать пока очередь из нетерпеливо притоптывающих пассажиров не сократится настолько, что можно будет снять с полки вещи без раздражающей толкотни. Прошло несколько минут и такая возможность, конечно же, представилась. Взяв Кольку за руку и подхватив все свои пакетики и сумки, Женька направилась к выходу. Проходя мимо неизменно улыбающихся стюардесс, Женька, как подобает человеку вежливому и благодарному за внимание к своему сыну, попрощалась, хотя и не знала кто именно из этих девочек проявил заботу о спящем Кольке. На выходе из самолёта, стоя на верхней ступеньке трапа, она на секунду задержалась и, прикрыв ладонью глаза от яркого солнечного света, осмотрелась вокруг.

Новый, неизвестный мир начинался прямо под их ногами. Как их встретят? На что похожи эти места? Говорят, здесь красиво, но каждый примеряет этот мир на себя и если кому-то нравится, то совсем необязательно, что это будет нравиться другим. Что ожидает их здесь? Удобно ли будет Кольке и не начнёт ли болеть, ведь он ещё такой маленький? Какие люди живут здесь: добрые или неприветливые? Страшно?.. Нет. Женька подумала, что не чувствует страха, а лишь неуверенность, но отступить, всё равно, уже было некуда. Не лететь же обратно, в самом деле. Она посмотрела на Кольку, он, не отпуская руки матери, с интересом оглядывался по сторонам. Горячие лучи находящегося в зените солнца легли Женьке на щеку. Она крепче сжала Колькину ладошку. Колька поднял глаза и посмотрел на мать.

– Ну, что? Пошли?

Колька коротко кивнул головой, и они начали спускаться по трапу.

Непривычно тёплый ветер лениво скользил над разогретой землёй. Горячий воздух клубился над камнями. Какие-то растения, похожие на невысокие пальмы, лениво помахивали широкими листьями.

«Настоящее лето. Как удивительно – всего несколько часов назад я куталась и мерзла, тряслась от холода, а сейчас мне жарко», – подумала Женька. – «И не просто жарко, а нестерпимо жарко. Солнце так и печёт. Мы вернулись в лето. Так здорово! Так необычно!»

Женька вдохнула поглубже. Пахло чем-то пряным, наверное, какими-то неизвестными цветами и ещё чем-то. Чем-то неопределённым, какой-то неуловимый, но знакомый аромат полный свежести, лёгких оттенков голубого и зелёного цвета. Очень знакомый аромат, но описать его словами не получалась. Женька пыталась вспомнить где, при каких обстоятельствах она встречала этот запах, но безуспешно. Казалось бы вот он, перед тобой, протяни руку и поднеси к глазам, но только шевельнёшься и он исчез без следа. Что же это такое? Откуда оно? Ветер, воздух, небо, камень? Нет... Куда мы прилетели? На Острова? Значит... значит пахнет морем! Конечно же, Морем. Этот единственный, этот уникальный, никаким парфюмером не повторённый аромат.

Женька вдохнула ещё раз и, наклонившись к Кольке, прошептала:

– Колька! Мы скоро увидим море! Настоящее, голубое!

– Правда! А где? – Колька вытянул шею, крутя головой в разные стороны.

– Не сейчас. Попозже. Нас отвезут к нему. После границы.

– Опять после границы... Мы же уже были на ней, – разочарованно забубнил Колька.

– Это – последняя. Честное слово! А потом – всё. Мы приедем в гостиницу и пойдём купаться!

– С кругом?

– Конечно! Возьмем круг и пистолет.

– Ура! Пошли быстрее, – воодушевленной близкой перспективой спуститься к морю и побарахтаться на волнах, Колька с удивительной для мальчика силой потащил мать вперёд, обгоняя впереди идущих пассажиров.

Все собрались в небольшом светлом зале и, перетаптываясь на отполированном до зеркального блеска полу, терпеливо ждали, выстроившись за широкой голубой линией, когда же в стеклянных будках–аквариумах рассядутся чиновники пограничной службы и приступят к оформлению. Пассажиры оживлённо переговаривались, голоса звучали звонко под высоким потолком. От перспективы долгожданного отдыха после утомительного перелёта все ощущали прилив сил и энергии.

Женька с Колькой попали к усатому таможеннику сурового вида и крепкого телосложения. Взяв паспорт и полистав его, он вначале посмотрел на Женьку, а потом строго взглянул на Кольку. Чувствуя себя крайне неуверенно в присутствии такого важного и усатого дяди, он прижался к матери и был похож на взъерошенного воробья, выглядывающего на мир из кустов. Не сводя с Кольки внимательных глаз, таможенник коротко спросил:

– Tourist?

– Йес... – робко ответила за всех Женька.

– Good. Welcome. (Хорошо. Добро пожаловать.)

На одной из страниц он хлопнул вначале первую печать, а поверх этой другую, вернул Женьке паспорт и, заговорщицки подмигнув Кольке, махнул рукой, приглашая следующего пассажира. Растерявшись от такого непривычного обращения со стороны важного дяди, Колька чуть не споткнулся и, когда Женька поволокла его за руку, продолжал оглядываться на улыбающегося в усы таможенника, но тот уже листал паспорт следующего пассажира.

Перед выходом из аэропорта их уже ждали автобусы. На этот раз им повезло – они заняли кресла в одном ряду, и Кольке досталось место у окна и, пока они катили к своему отелю, он во все глаза высматривал когда же появится море, но автобус, сворачивая то направо, то налево, выруливая с запутанных дорожных развязок, увозил их всё дальше и дальше вглубь острова.

Женька смотрела на мелькающие за окном поля с землёй непривычного красноватого оттенка с редкими пучками иссушенной солнцем желтой травы. Каждый участок был огорожен невысоким каменным забором, что придавало всему пейзажу необычно ухоженный, аккуратный вид. Урожай уже убрали, лишь кое-где остались лежать, созревая, небольшие арбузы и ярко-жёлтые дыни.

«Как здорово!» – думала Женька – «И дынь поедем и арбузов. У нас уже перестали продавать, а здесь, наверное, второй или третий урожай снимают. А вон и томаты зреют».

Женька обернулась, провожая взглядом кроваво красные гроздья, промелькнувшие за окном на одном из огороженных участков.

– Колька, Колька, смотри! Помидоры в огородах.

– Где?

– Да, проехали уж...

– Ма, а Ма, а когда же море будет?

– Скоро. Ещё немного и приедем. Потерпи немного.

Последние полчаса этот вопрос Колька задавал чуть ли не каждую минуту и так изъёргался и достал мать, что Женька вынуждена была припугнуть его – если он не прекратит «дёргаться», то она попросит водителя развернуть автобус и везти их обратно к самолёту. Перспектива вернуться туда, где дяди и тётки бегают вдоль рядов кресел, как умалишённые, зажав в руках полные пакетики, его не устраивала, а потому он обиженно надулся, отвернулся к окну и зatih минут на пять, прижавшись носом к стеклу, но когда вдалеке, меж двух холмов, мелькнуло какое-то яркое пятно, Колька обернулся к матери и, еле сдерживаясь, восхищенно зашептал:

– Ма, Ма, я видел! Я видел Его!

– Что ты видел? – Женька погладила сына по голове, пытаясь успокоить, но Колька продолжал крутиться в кресле, показывая пальцем куда-то в сторону огородов.

– Море! Море! Там кусочек был виден... Скоро приедем, значит.

«Наверное, самые счастливые люди – это те, кто ...» – думала Женька, – «кто позволяет себе ждать, кто не боится потратить время на ожидание. Мне всё интересно: и помидоры в полях, и дыни на земле, и бесхозные сараи у дороги, а если море появится, то и на море буду с интересом смотреть, а Колька, вот, ждёт и не хочет растрачиваться по пустякам. С такой щедростью относиться к жизни могут только те, кто не смотрит на часы. Я уже позволить себе это не могу. К сожалению, больше не могу, а раньше вот также ничего не замечала и неслась к какой-нибудь цели, как стрела», – с грустью подумала Женька. – «Неслась, неслась и промахнулась. Сегодня первый день моего отпуска, а осталось ещё тринадцать. Не так уж и много, если быть честным, а мы всё едем и едем и когда приедем – неизвестно...»

Автобусы тем временем миновали сельскохозяйственные районы и въехали в пригород. По обе стороны замелькали черепичные крыши, утопающие в густых садах. Вдоль дороги поднялись белые стены, скрывающие от нескромных взглядов проезжающих мимо без меры любопытных туристов тенистые дворики с фонтанами и беседками, со зреющим виноградом и широкими открытыми верандами. Автобусы, уверенно двигаясь по лабиринту узких, извилистых улочек, катили всё дальше, и перед Женькиными глазами разворачивался, словно поднимаясь со страниц романа, южный город – светлый и солнечный, неспешный и немного сонный, с чистыми, неровными, брусчатыми улочками, с небольшими площадями, где за столиками открытых кафе посетители тихонечко дремали, поддавшись всеобщему сонному настроению, где никто не спешил, никто никуда не бежал, стараясь изо всех сил опередить безнадежно ускользящее время, всё делалось размеренно, с запасом и если запаса не было, то и вовсе ничего не делалось. Разве это не чудесно!?

Женька смотрела, мысленно отмечая разные любопытные мелочи и забавные детали в облике проходящих мимо людей, на фасадах старых зданий, в витринах магазинов. Но что особенно понравилось ей, так это то, что повсюду росли цветы: на клумбах в небольших парках, на площадях в специальных кадках, у входов в кафе в горшках, перед воротами и на подоконниках в ящиках, даже на крышах отдельных домов в специальных подставках. Женька смотрела в окно, через голову совсем расстроившегося Кольки – море-то нет и в помине, а одни лишь улицы да дома, ни пляжей, ни кораблей, ни купающейся детворы, только скучные взрослые, шагающие, сидящие, стоящие.

– Ма!... – начал было Колька, обиженно оттопырив губу, но не успел он закончить фразу, смысл которой заключался в том, что ему надоело ждать и ехать неизвестно куда и не лучше ли было вернуться домой, как вдруг стены исчезли, дома и улицы остались позади и автобус, повернув еще раз, выехал на набережную. От неожиданности Колька подпрыгнул в кресле.

Вот Оно! От края до края, во весь горизонт, сверкающее под лучами ослепительного солнца, полное ветра, с пенными барашками на гребнях волн, с брызгами, с барахтающейся, скачущей у берега детворой, с парусами над стремительно несущимися лодками, с катерами, оставляющими за собой пенный след, и даже с огромным белым пароходом, что степенно, плавно разворачивался, чтобы зайти в порт.

Вот Оно – Море. Ровно такое, как он хотел, как он мечтал увидеть, ни больше, ни меньше. Колька стоял у окна, прижавшись к стеклу, держался одной рукой за кресло, чтобы сохранить равновесие в раскачивающемся автобусе и, не отрываясь, во все глаза смотрел, жадно ловя каждую деталь.

– Ма, а когда мы приедем? Когда мы пойдём купаться?

«И этого следовало ожидать...» – подумала Женька.

Глава 6

Купаться, купаться, купаться!

Через час они подъехали к гостинице. Водитель любезно помог выгрузить чемоданы и в выжидательной позе, выгнувшись вперед, держа руки по швам, замер над ними, но Женька,

выбрав из кучи свой, устало улыбнулась на прощание и прошла мимо. Не в её правилах было изменять своим принципам :

«Простите, но никаких чаевых, вольности с деньгами не для нас».

Колька как привязанный, не отставая ни на шаг, семенил сзади.

В большом холле было прохладно и вошедшим с яркого солнца показалось, что даже темновато. В углу перед высокой стойкой собралась небольшая толпа только что прибывших туристов.

«Нам, кажется, туда», – не очень уверенно подумала Женька. – «Как говорит тётя Маша – проследуем к регистратуре. Отметимся и на пляж...»

За стойкой два представителя администрации с остекленевшими от усталости глазами и вечной улыбкой, соскальзывающей иногда на звериный оскал, метались, как затравленные, принимая документы от вновь прибывших, одновременно с этим они старательно отвечали на телефонные звонки, забивали что-то в компьютер, выдавали ключи и пляжные полотенца и разговаривали с двумя полицейскими, которые по каким-то делам, а может быть и безо всякого дела, просто так, заглянули «на огонёк».

Женька обошла полицейских стороной, с интересом рассматривая чужую форму. Подойдя к стойке, она выложила документы и спокойно стала ждать, пока на неё обратят внимание – спешить-то уж некуда, они на месте, а присутствие полицейских почему-то не смущало, а даже обнадеживало, что никакой досадной оплошности не случится, что номер для них приготовлен и их просто так не выкинут на улицу.

Колька, встав на цыпочки, весь вытянулся, дотянулся до края и с интересом смотрел, как дядя в белой рубашке взял бумаги, что-то отметил внизу, а взамен протянул маме ключи с большим брелком и, показав жестами как пройти к лифту, устало улыбнулся и, немного поморщившись, отвернулся, когда в очередной раз зазвонил телефон. Наклонившись над Колькой, Женька тихо, но внятно произнесла:

– Колька, вперёд! Мы приехали! Сейчас в номер, бросаем вещи, переодеваемся и к морю.

– Ура, ура!.. – почему-то шёпотом ответил Колька, и не успела Женька опомниться, как он ухватился за ручку и, изгибаясь под тяжестью неподъёмного чемодана, словно краб, поволок его через весь холл.

– Стой, стой! Куда ты? Дай я тебе помогу... – засуетилась Женька.

Что раньше всего мы начинаем делать, когда приезжаем в чужие края?

Вы скажете: покупать сувениры. Не-а...

Тогда, пробовать незнакомую пищу? Не-а...

Напиваемся? Ну, в общем-то, это правильно, но, опять же, не сразу.

Кидаемся заводить новые знакомства? Тем более, не-а...

А может быть, мы бросаем всё и убегаем по магазинам? Ну, в общем-то... Не-а... Не сразу.

Тогда, наверное, мы по приезду расчехляем удочки и идём ловить рыбу? Наверное, так оно и есть, но только там, где присутствует вода: река, озеро, море и если у вас имеются зачехлённые удочки и вы рыбак. А если нет? Что тогда?

Ну... Думайте, думайте, шевелите мозгами. Ну, и? Получается?... Ладно, не мучайтесь... Мы начинаем вспоминать и сравнивать.

Когда мы обращаем внимание на какой-нибудь предмет или факт, до селе не виданный или не опробованный, то сразу же начинаем вспоминать, а не видели ли мы такое же, но там, откуда приехали, и если повезло и видели, то насколько оно отличается от этого и что лучше.

Например, где хлеб пекут пышнее у нас или у них?

А где мёд слаще – здесь или там?

Вино у них позабористей будет, а вот шапки меховые у нас получше шьют, да и метро у нас почище, чем ихнее, а вот дома они ставят лучше и машины у них хорошие...

И так можно продолжать до бесконечности. Даже самый озлобленный, отчаявшийся эмигрант, растоптав в пыль свой старый паспорт и плюнув несколько раз через плечо, не сможет сразу же забыть всю свою прежнюю жизнь, откинуть свой жизненный опыт, как ненужный хлам и начать всё с белого листа. Да и стоит ли так поступать? Всё что наше, то – наше. Плохое оно было или хорошее – время покажет, а бросаться вот так, сорить в незнакомом месте – не есть признак достойного воспитания, к тому же там вас просто могут не понять и подумают невесть что, а первое впечатление – оно самое устойчивое.

Номер, куда поселили Женьку с Колькой, к сожалению, не выходил окнами на море, но нет худа без добра – окна смотрели в большой тенистый сад за отелем, густо заросший диковинными цветущими кустами, где среди листвы на разные голоса перекликались невидимые птицы. Солнце, проходя по небосклону, большую часть дня светило на другую сторону и с этой стороны была прохлада и тень.

Когда Женька, побродив немного по лабиринту коридоров, открыла дверь с указанным на ключах номером, то первым делом что сделала – это принялась. В комнате было достаточно свежо. Задернутые шторы лениво колыхались от лёгкого ветерка и пахло незнакомыми цветами. Запах не резкий, но отчётливый и не раздражающий, с лёгким оттенком смоляных стружек, и Женька, пройдя через комнату, решила, что аромат приятный и стоит поискать причину этого запаха.

Отдёрнув шторы, чтобы в комнате стало светлее, она осмотрелась. Мебель в номере была простая, неяркая, несколько угловатая по её представлению, хорошая для гостиницы, но такую же она бы не решилась поставить в своей квартире – слишком резкие, даже немного агрессивные очертания. Посередине комнаты стояли две широкие кровати. Раздвинув их пошире, чтобы можно было свободно ходить между ними, Женька обернулась. Кольки нигде не было видно.

– Коль? – позвала она. – Ты где?

– Здесь, Ма. Тут здорово! – Колька вышел из ванной комнаты, держа в руках широкое махровое полотенце.

– Ма, смотри, какое мягкое.

Женька дотронулась ладонью до густого ворса.

«Действительно, мягкое и толстоё, как одеяло. Такое у нас дома не просушишь. Наверное, здесь у них на солнце всё быстро сохнет».

Женька заглянула в ванную комнату. Стены были покрыты белым кафелем до самого потолка. В неярком свете скрытых светильников таинственно поблёскивали хромом краны и трубы, у дальней стены стояла большая ванна, а сбоку, на невысокой тумбе, покоились сложенные в несколько рядов банные полотенца с вышитой эмблемой отеля.

«Здорово!» – Женька вошла внутрь и провела пальцем по краю раковины. – «Чисто... Светло... Не давит... Всё сделано просто и со вкусом, а у меня ванна похуже будет. Швы уж потемнели, да и кафель кое-где потрескался, а под раковиной вообще осыпался – ремонт нужно делать. А когда? И сколько это будет стоить? Эх, лучше не думать об этом. А это что такое?»

Женька подошла к небольшой полочке под овальным зеркалом, где стояло несколько пузырьков с шампунями. Сняв колпачок с одного из них, она понюхала содержимое.

«Пахнет неплохо. Очень даже неплохо. И этот тоже хорош», – Женька взяла следующий, поднесла к носу и вернула флаконы на полку. – «Так, сейчас мы пойдем на море, покупаемся немного, а потом я обязательно приму ванну. Вы просто не можете себе представить, как я хочу забраться в горячую, с густой пеной ванну».

Женька оглянулась, но Кольки опять не было рядом, зато из комнаты доносились странные звуки, как будто кто-то большой и толстый ползал по полу, сдвигая со своего пути мебель. Выглянув из двери, она увидела, что Колька устав дожидаться пока мать перестанет, как загипнотизированная, смотреть на краны и трубы, пользуясь моментом, принялся распаковывать чемодан. Отстегнув ремни и подняв крышку, он заглянул внутрь и, еле сдерживая нетерпение, выкрикнул:

– Ма, а где мои плавки?

Переодевшись в лёгкие майки и шорты, всё ещё хранящие запах стирального порошка, Женька с Колькой, держась за руки, спустились в опустевший холл гостиницы. Пройдя мимо «регистратуры», где сотрудники отеля сидели за высокой стойкой, переговариваясь в полголоса, наслаждаясь минутным покоем, вышли под такое ослепительно яркое солнце, что с непривычки у Женьки непроизвольно навернулись слёзы на глаза. Осмотревшись, они отправились на поиски пляжа, который, впрочем, удалось обнаружить без особого труда, для этого нужно было лишь пройти по узкой тропинке через небольшой тропический сад, полный стрекота и жужжания невидимых насекомых и далее следовать указателям с изображением человека, прыгающего в нарисованные волны. Изнывая от нетерпения, но и вместе с тем не решаясь отпустить руку, Колька тащил мать вперёд. Они прошли сквозь небольшую калитку, оплётённую диким виноградом, и оказались на берегу.

Необычное, почти гипнотическое впечатление производит море на людей, приезжающих откуда-нибудь из глубины суши, например из городов континентальной части. Люди останавливаются на берегу и часами смотрят на необъятное, открытое пространство, простирающееся до горизонта, что словно живое существо никогда не замирает и меняется каждое мгновение. Ничего подобного они не видели и не могли видеть там, в своих городах, где всё зажато каменными стенами и невозможно ничего разглядеть дальше следующего перекрестка, а от неба остался лишь небольшой рваный крышами лоскут. Да и с разнообразием там не очень хорошо. И как бы обитатели городов не старались приукрасить свою жизнь, но получается, всё равно, очень и очень скромненько.

Преимущественно наибольшими привилегиями при раздаче развлечений, почему-то, пользуется желудок, реже другие органы, которые мы здесь упоминать не станем, и почти никогда – голова.

Многочисленные кафе, рестораны, бары, закусочные во всех мыслимых и немыслимых формах и оттенках, выкрашенные в самые разнообразные цвета и расположенные в самых неожиданных местах, с музыкой или трансляцией футбольных матчей, ярко освещённые и с полутёмными залами, в подвалах и на последних этажах небоскрёбов, места, где к пищеварительному процессу добавляется ещё немного других раздражающих и отвлекающих факторов, с одной лишь целью – предать заведению определенное своеобразие и даже пикантность.

Но вся эта суета, яркость, шумность быстро надоедают, как только чувство голода исчезает. Посетители начинают зевать, нервно ёрзать на стульях, сонно таращатся по сторонам, затем платят и, позёвывая, прикрыв ладонью рот, уходят, более не обращая внимания ни на меню, ни на щеголеватых официантов, ни на искусный дизайн помещений, ни на музыку и танцовщиц. На выходе ловят такси и разъезжаются по домам. И всё забыто. Перед глазами опять мелькают серые стены домов, а если поднять голову, чтобы отыскать взглядом ненавистную птицу, что попортила шляпу, замечают кусочек неба, удивляются его чистоте и яркому цвету, но немедленно опускают глаза, чтобы не споткнуться о бордюр.

Когда же эти люди волею судеб попадают на берег моря, то вначале имеют обыкновение впадать в состояние близкое к оцепенению, загипнотизированные безграничным пространством, открывшимся их взору.

Усаживаются на берегу и могут часами смотреть вдаль, наблюдая как волны скользят по поверхности, а ветер срывает с гребней белоснежную пену, и, достигнув берега, брызги взлетают, словно радужный фейерверк, а когда над поверхностью неожиданно мелькнёт плавник – вздрагивают, озираются на соседей, стараются в лицах других людей найти подтверждение тому, что это был не мираж и им не показалось... Сидят, смотрят и не едят, и не пьют при этом, и почти не шевелятся, но всё же не устают, а когда приходит время уходить, поднимаются и с сожалением оглядываются, а на следующий день возвращаются, и если не получается на следующий, то приходят через день, через неделю, ..., но обязательно возвращаются. И, казалось бы, ничего особенного не происходит, всё как всегда: и ветер дует, и волны бегут, солнце светит, острова возвышаются через пролив, лодки скользят, но всё это живёт и движется, подчиняясь сложному ритму, меняется и никогда, никогда не повторяется.

Цвет воды на мелководье изумрудный, по мере того, как глубина возрастала, менялся на голубой и постепенно переходил в насыщенный синий. Лёгкий ветерок гнал по поверхности небольшие волны, закручиваясь, они наискосок набегали на берег. Неширокая коса уходила в море, защищая небольшую бухту. По краю этой бухты протянулся песчаный пляж, на который Женька с Колькой и ступили, спустившись по невысоким каменным ступенькам.

На несколько секунд Женька задержалась, восхищаясь непривычным простором и нежными красками, но Колька, более прагматичный в делах морских, продолжал тянуть мать за руку поближе к воде.

На песке в разных позах: на спине, на боку или на животе, частично прикопанные или возлежащие на пластиковых лежаках, было разбросано с полтора десятка обнажённых тел.

Привыкнув видеть вокруг себя людей одетых, закутанных по самый нос и выдыхающих на улице клубящиеся облачка пара, либо же носящихся с остекленевшими глазами по коридорам конторы, но, всё равно, одетых, пусть и в соответствии с неудобным офисным этикетом, Женька с непривычки почувствовала себя немного неловко. Бывает, конечно, что и на конторском столе разляжется какое-нибудь обнаженное тело..., но такое происходит очень и очень редко – событие совершенно экстраординарное, хотя и не исключительное.

Проходя мимо загорающих, она инстинктивно отводила глаза в сторону, стараясь не смотреть на обнаженные тела, потому что считала это нетактичным, но, всё же, не смогла сдержаться и обратила внимание на одну женщину, возлежавшую на песке, широко раскинув руки и расставив ноги. На её теле, цвета густого шоколада, не было ничего, кроме крохотного оранжевого лоскутка, кое-как прикрывающего причинное место, который, в общем-то, и не скрывал ничего, а лишь ещё более подчеркивал наготу. Но что особенно привлекло её внимание, так это размер груди, выставленной под щедрые лучи обжигающего солнца на всеобщее обозрение и превосходившей все нескромные представления.

Объемная грудь свисала по обе стороны, почти касаясь горячего песка. Ошарашенная Женька чуть не споткнулась, наткнувшись на остоленевшего Кольку, замершего на полпути к воде. Узрев такое чудо, он стоял и безо всякого смущения, с детской непосредственностью, открыв от удивления рот, рассматривал необычные анатомические подробности. Более того, чтобы привлечь внимание матери, а то ещё чего доброго пройдет мимо, не обратив внимания, он начал медленно поднимать руку с вытянутым указательным пальцем.

– Не смей показывать пальцем! – прошипела Женька.

– Но, Ма...

– Не позорь меня. Не смей показывать. Ты, что! Пошли купаться.– Женька схватила сына за руку и, развернув на месте, изо всех сил поволокла к морю. Колька особенно и не сопротивлялся, только всё оглядывался на диковинную тётку.

– Ты что, голых женщин не видел?

– Видел, но эта ... – начал оправдываться Колька

– Это интересно, и где же ты мог их видеть? – ядовито спросила Женька.

Поняв, что ситуация начинает разворачиваться в неожиданном и неприятном для него направлении, Колька принялся оправдываться и быстро, быстро забормотал:

– Да, по телевизору поздно показывали. Тебя ждал, когда с работы придёшь. Фильмы разные показывали. Но там небольшие были... А здесь такие титки! – Женька дёрнув его за руку посильнее, поволокла прочь, подальше от непреодолимого соблазна.

За тёмными очками, скрывающими глаза женщины, невозможно было разобрать, видит ли она лица бледненьких новичков и наслаждается произведенным эффектом, поскольку не сделала ни малейшей попытки прикрыться, или просто, разморённая от зноя, спит на солнце-пёке.

Добравшись до края пляжа, почти у самой воды, Женька принялась расстилать полотенце и раскладывать те немногие вещи, что захватила с собой. Как вдруг, услышала жалобный Кошкин писк и когда немедленно обернулась в его сторону, то первое что увидела – вытянутую руку с оттопыренным указательным пальцем, направленным точно на бесстыжую тётку. Повернув голову в ту сторону, она сама чуть не вскрикнула, но вовремя сдержалась, прикрыв рот ладонью.

Пока Женька сосредоточенно стелила полотенце, вынимала из пакета плавательный круг, прятала Кошкины шорты и майку, женщина успела перевернуться со спины на живот и теперь представила всеобщему вниманию пару огромных коричневых ягодиц. Две тонкие ниточки, олицетворяющие собой купальный костюм, соединялись на пояснице в единый тонкий шнурочек, который, подобно скромному ручейку среди песчаных холмов, извиваясь, терялся где-то в бездонной глубине, между двумя огромными ягодицами, далее шли кожистые складки, а потом начинались необъятные, широко расставленные ноги. Но не это зрелище произвело на Женьку такое сильное впечатление, чего нельзя было сказать о Кольке. Безо всяких сомнений он запомнит эту встречу на долгие годы.

Что ж, подобные формы достойны определенного внимания, хотя, если постараться то и любой человек, в том числе и мы, может принять подобный вид, только нам это не нужно. Ни к чему это нам. У нас у самих всякие запасы имеются: в коридоре тушёнка и макароны ящиками, в гараже картошка мешками, под столом в коробке лук и чеснок припасен, ... – как-нибудь переживём голод.

Однако было там ещё кое-что, особенно поразившее Женьку и вызвавшее такую яркую реакцию, а именно: через всю ... ягодицу, от поясницы до ноги китайскими иероглифами был вытатуирован некий таинственный текст.

«Вот это да!» – выдохнула Женька. – «Тётя Маша отдыхает! С таким громоздким счастьем и всё ещё на свободе выбора. Да вокруг неё мужики должны были виться, как мухи, а никого рядом не видно.... Странно. Вот оно лежит готовенькое, как на блюде, нагое и разогретое солнцем, только руку протяни и никого... Не понимаю. Таких щедрых форм я ещё ни разу не видела. Что уж со мной сравнивать», – Женька опустила глаза, поправила купальник, проверила узелок на шее. – «И эта татуировка – наверное, какое-нибудь древнее заклинание от мужиков. Шикарно! Может и мне такую же сделать? Только у меня подобная татуировка, скорее всего, поместится на спине, через всю спину. Впрочем, зачем она мне? И так обходимся, без нечистой силы».

Женька взглянула на Кольку.

– Ты что застыл как истукан? – накинулась она на сына. – Не видал такого никогда, что ли?

Колька вздрогнул.

– Ма, но там ... ещё что-то написано.

– Не твоё дело! Может быть, это приглашение к обеду. Ты зачем сюда приехал? Купаться или разглядывать всё подряд, как в зоопарке, а? – Женька, уперев руки в бока, угрожающе нависла над Колькой.

Почувствовав, что тучи сгущаются, и не совсем понимая, причём здесь обед, Колька быстро развернулся и вприпрыжку побежал к воде.

– Круг забыл! – крикнула ему вдогонку Женька.

«Эх, мужики, всё одно и то же. Что маленькие, что побольше. Бабий зад у них солнце затмевает, ведь даже забыл про море. Пойду-ка и я купаться. Хотя, что тут душой кривить – тётенька впечатляет!»

Что за чудо эта морская вода: чистая, прозрачная, так, что каждый камешек на дне просматривается. Видно, как песчинки колышутся, а крохотные рыбки бесстрашно плавают вокруг и стремительно исчезают на глубине при малейшей намёке на опасность, но вскоре вновь возвращаются и кружат рядом, как прежде. Опустив ладонь и, отгребая аккуратно песок в сторону, можно найти и поднять со дна белую ракушку. Волны голубовато– изумрудного цвета легко скользят и выкатываются на берег, растекаются и скатываются обратно, оставляя за собой шелестящую пену и извивающиеся ручейки, а те, будто испугавшись, что их забыли на суше, бегут следом за отступающими водой, чтобы через секунду вернуться.

Держась за руки, Женька с Колькой, осторожно ступая по песчаному дну, вошли в сверкающее море. Миллионы солнечных зайчиков радостно плясали вокруг них. Колька, придерживая круг, подпрыгивал каждый раз, когда проходила очередная волна, при этом он высоко поднимал колени, хохоча бил ладонью по воде и брызги разлетались вокруг.

Женька, отвернув лицо, улыбалась, но не отпускала его руки. Войдя в воду по пояс, она взяла Кольку за обе руки и, отступая шаг за шагом, нащупывая неровности на дне, потянула за собой. Извиваясь и крутя головой в разные стороны, он лупил ногами по воде что было сил, поднимая вокруг себя фонтан сверкающих брызг. Так они прошли несколько шагов вдоль берега, потом развернулись и двинулись обратно.

В одном из пунктов её программы на этот отпуск значилось – научить Кольку плавать. Пусть немного, но без круга. Однако, пока что не очень получалась, хотя они и очень старались. Ну, что ж... первый день, всё-таки. Время еще есть.

Когда им обоим надоело бороться с водой, Женька вывела Кольку на берег, растёрла полотенцем и усадила на песок. И он немедленно принялся копать большую яму. Из мокрого песка, что выгребал снизу, тут же начал строить вокруг себя стену с башнями. Убедившись, что сын надёжно пристроен и что работа над проектом, к которому он так энергично приступил, займёт ещё несколько часов, а зная по опыту, что отвлечь его от этого занятия могло лишь какое-нибудь событие мирового значения, но поскольку тётенька с иероглифами на попе уже ушла, то беспокоиться, в общем-то, было не о чем, и Женька решила вернуться в море.

Она хотела попробовать доплыть до ближайшего буя, покачивавшегося на волнах, как ей показалось не очень далеко от берега. Отойдя подальше, так, что вода доходила до груди, она оттолкнулась от дна и поплыла вперёд, держа голову над поверхностью.

Плыть в солёной воде было не так уж и тяжело, но когда Женька наконец добралась до металлического шара и ухватила за кольцо, к которому был привязан скользкий от облепивших его водорослей канат, дышала она с трудом, отплёвывая горько– солёную воду, и сердце билось в груди, как отбойный молоток. А нужно было ещё вернуться. Она посмотрела вниз, туда, где в бездонной синеве растворялся толстый канат. Ощущение, будто она висит над бездной, было настолько сильное, что у Женьки закружилась голова, и от приступа страха она даже поджала ноги, все время всматриваясь в воду, туда, где солнечные лучи бесследно растворялись в иссиня черной мгле и призрачные тени, как ей показалось, скользили, хищно изгибаясь.

Отдышавшись немного, Женька отпустила кольцо и, собравшись с силами и успокоившись немного, поплыла обратно, изо всех сил стараясь не думать про то, на какой глубине сейчас находится дно и кто может проплывать в это время там, внизу, разглядывая её, как она по– лягушачьи дрыгает ногами у поверхности.

Доплыв до берега, Женька, неуверенно ступая и покачиваясь, вышла из воды и тяжело опустилась на песок рядом с Колькой. За этот короткий промежуток времени он достаточно далеко продвинулся в строительстве крепости, перейдя от стен, к возведению основного здания..

– А это что будет? – переведя дыхание, спросила Женька, показывая на песчаный куб в центре.

– Это замок. Здесь будет вход, а здесь башня будет, – важно отвечал Колька, ни на мгновение не прекращая подгрести песок.

«Однако, как тяжело я плыла, а ведь раньше могла плавать что утка, не уставала совсем. Наверное, это меня контора довела до такого дряхлого состояния», – думала Женька, выкладывая из белых камешков небольшой дворик перед входом в предполагаемый замок. – «Весь день ношусь, как угорелая, а тяжелее листа бумаги не поднимаю, потому тельце моё и ослабло. Нужно будет принять меры – побольше и подольше плавать. Утром встану пораньше и буду плавать до завтрака. К тому буйку, например, или вдоль берега. Как жаль, что мы будем здесь всего две недели. Вот, если бы дольше или вообще жили где-нибудь у моря, то я, наверное, стала бы чемпионкой по плаванию... местного масштаба, конечно... Как жаль, что мы не живём здесь».

Строго следуя одному ему известному плану, Колька решительно убрал целый ряд белых камешков из-под пальцев матери и принялся что-то энергично объяснять, но Женька, улыбаясь, смотрела на сына и не слушала. Она легла на горячий песок, прикрыла глаза ладонью и почувствовала, как под размеренный шум волн приятная дремота, словно паутина, обволакивает её.

«Как хорошо! Как здорово! Как замечательно и приятно лежать вот так, на песке, и ни о чём не думать, никуда не нестись, словно ошпаренная, закрыть глаза и никого не видеть и ни от кого не выслушивать разные глупости, не изображать сочувствие, когда на самом деле на всё наплевать, ни о чём не жалеть, не отвечать на пустые телефонные звонки, и не звонить никому. Как я мечтала лежать вот так, на горячем песке, вытянувшись во весь рост, пересыпая песок между пальцев, слушать прибой и Колькины рассказы про крепость и про замок, ощущать на коже прикосновение горячих лучей, как тёплый ветер скользит надо мной...»

Женька почувствовала, что растворяется, что, засыпая, рассыпается на миллионы песчинок, и ветер, кружа, уносит их, одну за другой, тоненькой струйкой вдоль линии прибоя...

И вдруг ужасная мысль пронеслась в её сонном мозгу: «Солнце!»

Женька проснулась, как от толчка. Села, растирая глаза и оглядываясь по сторонам.

«Мы же сгорим здесь. Мы же, как две бледные козявки, вылезли под такое горячее, обжигающее солнце. У Кольки завтра температура поднимется, начнётся лихорадка, и несколько дней нельзя будет выводить его из номера, и тогда – прощай отпуск. Нет уж! Нам это не подходит. Оставим на время крепость, оставим море и пляж, вернёмся в номер. Немного благоразумия никогда не повредит».

Колька заканчивал свой замок, и нужно отметить, что получалось у него неплохо, так, что даже появились зрители в лице загорелого мальчугана в круглых очках с копной светлых волос. Он в нерешительности переминался с ноги на ногу и молча стоял невдалеке, внимательно наблюдая за работой.

– Твоя работа привлекает внимание. Зрители собираются, – заметила Женька.

– Он тут давно, – ответил Колька, отгребая песок в сторону. – Стоит и молчит. Нерусский, наверное.

– Наверное. Заешь что, Колюш, пойдём в гостиницу, отдохнём немного.

Колька умоляюще взглянул на мать.

– Ну, Ма, я же не достроил. Немножко осталось. И купаться хочу.

– Колюш, я устала. Ты ведь не оставишь меня одну в незнакомой гостинице, в чужой стране, – Женька взглянула на недовольного Кольку и улыбнулась. Такая аргументация всегда действовал безотказно. Кому-то это могло бы показаться чересчур фальшивым и лицемерным – ну, какой из Кольки защитник, его самого нужно оберегать, но с другой стороны – кто же, как не сын, должен защищать мать, тем более, если он единственный мужчина в семье.

И Колька, хотя и не представлял опасностей этого мира (и слава Богу), многого не понимал и не знал, но несмотря на малый возраст свою ответственность ощущал в полной мере и никогда не позволял себе оставить мать одну, хотелось ему этого или нет. Он всегда прекращал свои игры, оставлял друзей и провожал Женьку, если она просила, помогал отнести сумки или просто шёл рядом с ней.

Вот и сейчас, тяжело, по-взрослому вздохнув, Колька встал, отряхнул песок с рук и, критически осмотрев своё сооружение, пошёл собирать вещи.

Стоя уж перед самой калиткой, Колька задержался на секунду и оглянулся. Мальчишка, наблюдавший за ним и не решавшийся подойти, теперь, сидя на корточках, пристраивал к крепости новую башню.

– Испортит. Всё испортит, – полный ревности, прошептал Колька.

– Что ты там бормочешь? Кто испортит? – переспросила Женька.

– Да вон! Пацан тот!

Женька обернулась.

– Не выдумывай. Хороший мальчик. Он же строит, а не ломает. Другой бы разворошил всё, а этот башню делает. Пошли. Не отставай.

Колька последовал за матерью, то и дело оглядываясь через плечо.

В номере было прохладно и совсем не душно. Женька прошла к балкону и отдернула штору. Солнце светило с противоположной стороны и сад, куда выходили их окна, отдыхал в тени. Среда ветвей порхали и тихонечко пересвистывались какие-то небольшие птички, похожие на воробьёв, под листьями стрекотали невидимые цикады, далёким эхом доносился ритмичный шум прибоя. Вывесив на балконе влажные полотенца, Женька вернулась в номер. Колька сидел на кровати, держа в руках книгу.

– А что это у тебя? – поинтересовалась она

– Про пиратов. С собой взял. Читать буду, – важно ответил Колька.

– Это хорошо. Читать – это хорошо. Давай-ка, ложись. Подушки я тебе подниму, чтобы читать удобнее было, – Женька уложила подушки повыше, Колька откинулся, взял книгу, открыл на первой странице, украшенной ярким рисунком.

– Ну, как? – спросила Женька.

– Здорово! – Колька задорно подрыгал ногами – А ты куда?

– Я в душ, а потом тоже лягу.

– Угу...

Женька вошла в ванную комнату. Сняла влажный купальник и, подойдя к зеркалу, критически осмотрела себя. Провела кончиками пальцев по шее, по плечам, коснулась груди. Дотронулась ладонью до живота. Потом встала на носочки, чтобы в зеркале заглянуть пониже и, повернувшись спиной, взглянула на своё отражение через плечо. Недовольно поджала губы.

«Шея и плечи – ничего, живот ... – нормальный, а вот по бокам жирок появился, и попа ... Конечно же попа. Попа моя никуда не годится. Это всё от постоянного сидения за столом. Дряхлею с удивительной быстротой. Контора меня доконает, это точно. Всю высосет до последней капельки. Нужно будет поработать над собой. Буду плавать. И утром, и днём, и вечером.

Уплаваюсь здесь, но жир этот проклятый сгоню», – настраивала она себя самым решительным образом.

Женька подошла на цыпочках к ванне, отдернула занавеску и задумчиво посмотрела на поблескивающий полированным хромом кран.

«Может быть ванну с пеной принять, как хотела? Нет. Не получится. Устала. Засну в воде, и этим всё мытьё закончится. Не хотелось бы захлебнуться в ванной отеля, а потому, сегодня только душ».

Вернувшись в комнату, Женька нашла Кольку спящим. Как он сидел, опершись спиной на сложенные в изголовье подушки, так и заснул. Раскрытая на первой странице книга покоилась на его коленях. Женька переложила книгу на тумбочку, осторожно опустила Кольку пониже, подложив подушки под голову. Вернувшись к раскрытому чемодану, она нашарила на дне плюшевого медвежонка и посадила его на угол тумбочки, прямо на книгу, так, чтобы он смотрел своими забавными глазками – бусинками в сад через открытую балконную дверь, а потом подошла к своей кровати, легла под прохладную простыню, с наслаждением потянулась и, закрыв глаза, подумала, что нужно бы завести будильник и проснуться часа через три, чтобы успеть на ужин, но то была её последняя мысль за сегодняшний день.

Глава 7

Что-то не спится

Женька заснула.

Точнее сказать не просто заснула, а рухнула, провалилась в бездонную бархатистую темноту, где странные отрывочные, несвязанные друг с другом образы появлялись из ниоткуда и, кружась в таинственном хороводе, уплывали в никуда.

Тут были и дома с темными, нежилыми окнами, холодно вззирающие на неё со всех сторон, и промелькнул сонный водитель такси, на котором они доехали до аэропорта, и мужчина в клетчатом пиджаке, он прижимал ко рту большой раздувающийся пакет и пробежал мимо, а какой-то молодой человек хитро подмигнул и указал пальцем куда-то вниз, на небольшой город, чьи черепичные крыши утопали в зелени и где по тенистым, извилистым улочкам можно было пройти к пустынному пляжу.

Женька увидела молодую женщину, стоящую у самой кромки воды и решила, что это она и есть. Вокруг не было ни одной живой души и, в какую бы сторону она не повернулась, всюду видела ровный песок, извивающуюся линию прибоя, волны подкатывались к самым её ногам, застывали на мгновение и скатывались обратно в море, а серебристые ручейки бежали за отступающей водой.

Женька почувствовала себя очень одиноко на этом пустынном пляже и решила вернуться в город. Но стоило ей обернуться, и она к своему удивлению увидела себя стоящей уже не на берегу, а посередине светлой, ярко освещённой солнцем улицы. По обе стороны поднимались одноэтажные дома, с наглухо закрытыми дощатыми ставнями, крашенные бурой, облупившейся краской, сухой, жаркий ветер гнал пыль вдоль тротуара. С фасадов местами осыпалась штукатурка, обнажив старую кирпичную кладку, и такую неаккуратность во внешнем облике можно было бы списать на влияние времени, безжалостно разрушающего все и отправляющего на дно могилы всех, но скорее всего это произошло из-за безразличия тех, кто жил на этой улице, если, вообще, здесь живет кто-то.

Улица была прямая как стрела и уходила далеко вперёд, туда, где ломаная линия черепичных крыш и прямая линия тротуара сливались в одну точку под голубым, без единого облачка, небом. Она оглянулась, но сына нигде не было видно.

«Где же Колька?» – сердце у неё сжалось тревожно. – «Неужели опять сбежал куда-то? Так и заблудиться может... Его нужно обязательно найти. Он должен быть где-то здесь. Я чувствую, что он здесь, но где?».

Женька начала подниматься по улице, то и дело оглядываясь по сторонам, но дома так плотно жались один к другому, что нигде между ними не было видно даже узкого прохода или перекрёстка с уходящей вбок улицей.

«Как же пройти на ту сторону? Должен быть какой-нибудь переулок. Я знаю, он там – с той стороны...»

Закрытые ставни придавали домам нежилой, безразличный ко всему происходящему вид. Ни музыки, ни голосов, ни звона посуды не было слышно, и только ветер шуршал, сдувая пыль и песок, лёгкой позёмкой крутил у Женьки под ногами. И такой смертной тоской, таким одиночеством и забвением веяло от этого места, что ей захотелось как можно скорее уйти с этой улицы, но, во что бы то ни стало, нужно найти Кольку, нельзя же его бросить здесь, в этом безлюдном городе, одного... И Женька вначале ускорила шаг, а потом и вовсе побежала, но ноги, почему-то, слушались плохо и будто бы вязли в чём-то густом, как сироп, и чем сильнее она отталкивалась от земли, тем медленнее продвигалась вперёд, и эти дома с закрытыми ставнями начали сближаться, нависли над её головой...

И тут Женька проснулась в холодном поту. Открыла глаза. Кошмар исчез, осыпался, превратился в бесформенную кучу. Она и толком вспомнить не могла, что видела, осталось лишь тяжкое чувство тоски и одиночества. В комнате было темно. Дверь на балкон оставалась открытой и лёгкий ветерок, скользя по полу, лениво шевелил занавеску. На соседней кровати тихо-нечко и ровно посапывал Колька. Женька приподнялась, протянула руку и дотронулась до его лба. Вот он, никуда и не исчезал. Спокойно спит, прижав к себе медвежонка.

Откинув простыни, Женька села, потерла ладонями лицо, снимая прочь остатки липкого кошмара. Потом встала, потянулась, подняв руки, так что косточки хрустнули, наклонилась к часам и не поверила глазам своим. Стрелки показывали пять минут четвертого. Женька поднесла будильник к уху, чтобы удостовериться, что часы ходят. Всё работает. Всё правильно – начало четвертого.

«Получается – мы проспали почти двенадцать часов...» – удивленно подумала Женька. – «Всё проспали: и ужин, и купание, и пляж... Надо же... Вот сони...»

Женька склонилась над Колькой. Одноухий медвежонок, прижавшись к его щеке, поблёскивая глазками–бусинками, с любопытством поглядывал на неё. Женька поправила подушки, подоткнула поплотнее простыни, поцеловала Кольку в висок. Повязав вокруг плеч свитер, вышла на балкон. Стоя на пороге, она с наслаждением вдохнула прохладный ночной воздух, прислушалась. Где-то под стеной осторожно чиркал сверчок. Моря не было слышно совсем.

«Должно быть, лежит сейчас, как тёмное шелковое покрывало, и ни единый всплеск, ни единая морщинка не тревожат его поверхности, а только звёзды, перемигиваясь, отражаются в воде, как в огромном черном зеркале», – подумала Женька. – «Вот бы спуститься и посмотреть на него, но я не знаю местных порядков. Может быть, нельзя выходить из гостиницы ночью. Впрочем, какие глупости. Почему нельзя. Можно. Конечно, можно. Завтра или в другой день, но обязательно искупаюсь в ночном море. Правда, одной страшновато будет... Кто там водится в этой темной воде? Акулы всякие, осьминоги...»

Женька облокотилась о поручень и посмотрела на небо. Сад спал, ни веточка, ни листик не шевелились в ночном воздухе. Сквозь листву виднелись звёзды, сильные, яркие, похожие на живых существ, казалось, что, поблёскивая, они перешёптываются о чём-то, указывая друг другу на одинокого человечка, смотрящего на них из-под ветвей ночного сада.

«Как здорово! Как будто я в сказке. Как жаль, что ...» – тут Женька осеклась, она хотела добавить, – «... как жаль, что сейчас нет никого рядом, с кем можно было бы поделиться этой красотой...».

Давно уж она не позволяла себе подобных мыслей.

Эта тема долго, очень долго была у неё под запретом. Дорога к похожим мыслям закрыта, а дверь замурована наглухо, но здесь, на берегу южного моря, посреди таинственного, ночного

сада, под огромными звёздами, вдали от городской суеты и холодных конторских отношений, от которых душа стынет, как в морозильнике, от затравленной беготни по серым улицам, как-то само собой получилось, что запоры ослабли и под той дверью появилась светлая полоска, а это значит, что кто-то там, с той стороны, зажёл свет.

По привычке Женька попыталась отмахнуться от этих мыслей, загнать их обратно на самое дно, чтобы вернуться к своему рассудительному, холодному, жёсткому, волевому состоянию, но в этот раз не очень-то и получилось. Не очень-то получилось в этот раз, не сработало это и на следующий день, точнее ночь, и через день ничего не получилось, и ещё дальше привычка забыться не давала уже привычного и ожидаемого результата.

Со стороны соседнего номера раздался густой, рокочущий храп. Женька грустно улыбнулась и вернулась в комнату. В темноте, на ощупь добралась до своей кровати, легла, завернувшись поплотнее в одеяло, поджала колени и, сжав пальцы в кулачки так, что ногти впились в ладони, прижала руки к груди, закусил губу, вжалась лицом в подушку. Лежала не шевелясь, закрыв глаза, старалась даже не дышать, пытаясь изо всех сил побороть приступ тоски, не позволяя себе расплакаться, что, как ей казалось, было бы совсем неуместно, потому что не понимала откуда это давящее чувство одиночества могло появиться, особенно здесь – на курорте, где всё наполнено энергией, где такой простор, что хочется летать, и ... вот, пожалуйста, такая тоска напозла на сердце, что выть хочется.

Так нельзя, нужно сдерживаться и не поддаваться слабости, да и Колька мог проснуться, если бы она неосторожно всхлипнула, а тогда, как и что ему объяснять, когда и сама толком ничего не могла понять.

Минуты через две Женька почувствовала, что отпускает. Успокоившись немного, она повернулась на спину и лежала так неподвижно, закрыв глаза, пока не заснула.

Глава 8

Отдых – дело ответственное

Будильник прозвонил точно в шесть утра, ровно во столько, во сколько Женька и хотела встать. Протянув руку, она привычным движением хлопнула по кнопке, после чего будильник кувыркнулся с тумбочки на пол и затарахтел оттуда ещё злобнее и громче. Колька заворочался на соседней кровати и сонно пробормотал:

– Ма, ты что? Почему так рано? Ты что, на работу идёшь?...

– Спи, спи... – у Женьки наконец получилось отключить звонок. – Пойду, искупаюсь.

– А я? – сонно моргая, спросил Колька.

– Если хочешь, то вставай. Но предупреждаю, вода ещё холодная и солнце не поднялось.

– Вода холодная... – задумчиво повторил Колька. После чего, покрепче прижав к себе медвежонка, завернулся с головой в одеяло так, что снаружи остался торчать только нос. – Ма, наверное, мы с Мишкой останемся. Ему не очень нравится холодная вода. Ты, как искупаешься, приходи, разбудишь нас.

– Ладно, уговорил. Спите. Я быстро вернусь.

Переодевшись и захватив с собой полотенце, Женька выскользнула из номера, аккуратно прикрыла за собой дверь, придерживая за ручку, пока в сонной тишине отчётливо не послышался металлический щелчок замка. Наступая на носочки, не сходя с середины ковровой дорожки, стараясь, чтобы ни одна половица не скрипнула и не нарушила таинственный покой спящего отеля, проследовала пустынными коридорами, спустилась в холл, где в этот ранний час никого ещё не было, но два представителя администрации уже начали в неумолимо ускоряющемся ритме перемещаться за стойкой от телефона к компьютеру и обратно.

Выйдя из гостиницы, Женька остановилась на пороге и посмотрела на небо. Солнце ещё не поднялось над горизонтом, но на востоке небосклон окрасился в нежнейший розовый цвет. Уже знакомой тропинкой она прошла через сад, такой тихий и таинственный ночью, в то время когда выходила на балкон, сейчас он вновь наполнился звуками и движением. Крохот-

ные птички скакали по ветвям, пересвистываясь на все лады, приветствовали наступающий день. Какие-то невидимые насекомые, настраивая свои скрипучие инструменты, подыгрывали им. Все живые существа радовались новому дню, яркому и просторному, полному света и тепла. О своих тяжелых снах, похожих на кошмар, о приступе тоски она и не вспоминала, в этом нежном утреннем свете от них не осталось и следа.

Пройдя через калитку, Женька вышла на пляж, где в этот ранний час ещё не было ни души. Скинула халат, осторожно ступая по холодному, влажному от росы песку, подошла к воде. У самых ног лёгкие, почти незаметные волны, словно ласкаясь и приглашая поиграть с ними, подбегали, осторожно касались её, как будто приглашали проследовать за ними, и погрузится в море и поплавать по этому шелковистому зеркалу, где отразилось нежно-голубое утреннее небо. Сжав руки в кулаки и поморщившись, Женька сделала решительный шаг вперёд, внутренне сжавшись от предчувствия, что придётся плавать в холоде и в очередной раз испытывать на прочность свою силу воли и решимость привести тело «в порядок», чтобы это не значило, однако вода оказалась на удивление тёплой.

Пройдя вперёд, Женька осторожно, чтобы не брызгаться и не нарушать покоя, опустилась в воду и поплыла к бую, покачивающемуся невдалеке, как большая шишка. Проплыв туда и обратно, Женька вышла на берег и с удивлением почувствовала, что совсем и не устала, что сердце бьётся ровно, и её не качало, как когда она выходила из воды в прошлый раз, и, вообще, ощущение было такое, что она ещё раз могла бы доплыть до бую и вернуться, но проводить над собой подобные эксперименты не хотелось.

Женька обернула вокруг плеч полотенце и, повернувшись лицом на восток, наблюдала, как над горизонтом появился ослепительно яркий краешек солнечного диска. Солнце выбиралось из-за моря, поднимаясь всё выше, и скоро на него невозможно было смотреть – начинался новый день.

Сзади слышались шаги. Женька оглянулась. Через пляж к воде шёл высокий, седовласый мужчина. Одет он был в длинный, почти до пят банный халат. Мужчина вышагивал по песку степенно, не сутулясь, расправив плечи и поднимая высоко колени, словно маршировал, на ходу полы его халата развивались, как у шинели. Поравнявшись с Женькой, он задержался на мгновение и внимательно посмотрел на неё сверху вниз. Женька, закутавшись поплотнее в полотенце, непонятно по какой причине внутренне напряглась под строгим взглядом незнакомого старика и неожиданно для себя пролепетала:

– Доброе утро...

Принимая приветствие, мужчина в ответ важно склонил голову и отчётливо произнёс, словно отпечатал:

– Morgen, frau (Доброе утро, фрау), – и прошёл мимо, у самой воды он одним движением плеча скинул на песок халат, переступая худыми ногами, словно журавль, вошёл в море.

«Не иначе, как аристократ, какой-то. Чувствуется офицерская выправка. А как взглянул?! Будто рентген мне сделал, а я чуть было реверансом ему не ответила. А со стороны это выглядело бы в высшей степени нелепо. Я в мокром купальнике, почти голая, с полотенцем на плечах, изгибалась бы в уважительных поклонах. Смех, да и только! Какой, всё-таки, интересный старик... Да, какой он старик!? Крепкий мужик. Однако, что-то я задержалась, пора в номер. Пора Кольку будить, а то они со своим медведем весь завтрак проспят».

Женька подхватила с песка вещи и побежала к калитке. Солнце уже оторвалось от горизонта и потому, как быстро косые утренние лучи нагревали песок, можно было предположить, что денёк будет жарким.

Когда Женька вернулась в номер, Колька всё ещё спал в обнимку с одноухим медведем, но как только она дотронулась холодной после утреннего купания ладонью до его тёплой щеки, он широко распахнул глаза и в них не было и намёка на сон, только пляшущие искорки готового к новым приключениям и впечатлениям мальчугана, задор и веселье. И какой это был

разительный контраст с тем, как Колька вставал в школу, там, дома, когда Женьке приходилось по нескольку раз выуживать его из-под одеяла, поднимать и усаживать на кровати, и затем чуть ли не волоком тащить умыться.

– Колька, да, ты не спал! – удивлённо воскликнула Женька.

– Почему это не спал. Очень даже спал, – Колька соскочил на пол, потянулся, подняв руки над головой и, шлёпая босыми ногами по полу, побежал в ванную комнату.

– Ма, ну, как там вода? Тёплая? – слышался оттуда весёлый Колькин голос.

– Тёплая и солнце горячее. Сегодня будет чудесный денёк! – Женька нагнулась, расстилая одеяло. Подняла плюшевого медвежонка и посадила его в изголовье на сложенные одну на другую подушки. – Как тебе спалось?

– Хорошо. Вот, только, что снилось не помню, – Колька вышел из ванной, вытирая лицо полотенцем. – Ма, а мы завтракать пойдём?

– Конечно! Давай-ка одевайся, а то там без нас всё съедят. Сейчас и я переоденусь.

Каждое удовольствие или неудовольствие можно сравнить, соответственно, с каким-нибудь другим удовольствием или неудовольствием. Перекрёстное сравнение, конечно же, допускается, но какой смысл сравнивать взлёты с падениями, а минусы с плюсами, и так всё понятно, хотя... почему бы и нет, в этом сравнении присутствует определённый интерес и это тоже может быть достаточно поучительным. Однако сравнивать подобные или близкие по природе своей вещи как-то привычнее. Конечно, если есть с чем сравнивать.

Но с чем сравнить ощущения человека, который, спускаясь по лестнице, почувствовал запах свежесваренного кофе и печёных булочек, когда перед этим не ел почти сутки и плавал всё утро как заводной.

Опять же, зависит от человека. Другой, не дрогнув, пройдёт мимо, чтобы совершить ещё что-нибудь, чтобы дальше испытать на прочность свою волю, свою силу и решимость совершать подвиги... Здесь главное не перейти разумные пределы, а то на следующий день можно угодить в раздел «Происшествия» в местных газетах – самый любопытный, кстати, и дающий достаточно материала для раздумий о сумасбродности человеческой натуры, когда ни физические, ни моральные, ни материальные ограничения не признаются.

А вот Женька с Колькой определили сразу, что идут в правильном направлении и, что самое главное, идут туда вовремя. Но, даже твёрдо зная куда и зачем они идут, всё же не ожидали найти такого разнообразия, от которого Женька чуть было не впала в состояние ступора, откуда её смог вывести только Колькин прагматизм, да детская непосредственность. И пока она в нерешительности, не зная с чего начать, прохаживалась между рядов с подносами, где были выложены разнообразные колбасы и сыры, овощи и фрукты, диковинные морепродукты и золотистая выпечка, а рядом скворчали сковороды с жареными сосисками, рыбой и готовились на заказ омлеты, а напротив шли ряды с молочными продуктами, Колька, схватив тарелку, уверенно продвигался вперёд, выкладывал на неё всё, что ему более или менее понравилось и когда содержимое блюда перестало помещаться в границах, определённых фарфоровыми краями, он, наконец-то, добрался до десертного стола, где и застыл с открытым от удивления ртом, разглядывая десятки разноцветных пирожных и печенье.

Во главе этого стола, руководя процессом потребления, стоял одетый во всё белое мастер– кулинар – мужчина солидный, упитанный, с грозными усами, но веселыми глазами. Он с интересом наблюдал, взирая сверху вниз, за душевными муками и безграничными сомнениями маленького мальчика. Поняв, что пора вмешаться и избавить молодого человека от страданий, повар поставил перед Колькой чистое блюдо, на которое, ловко орудуя блестящей лопаточкой, бережно выложил то пирожное, какое он посчитал самым аппетитным и жестом пригласил Кольку попробовать. Колька же закрыл рот, прищурившись, презрительно взгля-

нул на сиротливо лежащее посередине тарелки одинокое пирожное, молча развернулся и ушёл прочь.

Удивлённый таким необычным поведением, повар недоумённо пожал плечами и принялся было перекладывать пирожное обратно, когда перед ним, словно из-под земли, вновь появился тот самый мальчик, но на этот раз в руках он держал самое большое, пустое блюдо, какое удалось раздобыть в ресторане. Установив блюдо на столе, Колька начал показывать пальцем что именно он хотел бы видеть у себя на тарелке. В результате чего образцы почти всех сортов перекочевали на блюдо и, когда первый ряд занял всё допустимое пространство, пришлось выкладывать горкой ряд второй. При этом Колька как архитектор руководил строительством, указывая пальцем, что и откуда брать, а дяденька – повар, как прилежный каменщик, отдуваясь и потев, согнувшись над столом, орудовал своей лопаткой, выкладывая слой за слоем.

Когда же Колька с гордым видом принёс свою тарелку через весь ресторан к столу, где сидела мать, то у Женьки от удивления округлились глаза и такое лёгкое и спортивное настроение, с каким она вернулась с купания, существенно испортилось.

Дело в том, что она так и не добралась до десертного стола, а закончила свой выбор где-то чуть дальше середины, но даже это короткое путешествие привело её к глубокому душевному смятению. А происходило всё приблизительно так: подойдя к первому подносу и внимательно изучив произведение местной кулинарии, Женька решила, что это достойный выбор и положила кусочек к себе на тарелку, определив про себя, что сегодня проплывёт до буйка не один раз, а два. Пройдя к следующему подносу, она почувствовала, как рот наполняется слюной, и поняла, что до буйка сегодня придется плавать не два раза, а может быть все четыре. Далее были выставлены паштеты и суфле...

И когда Женька принесла свою тарелку к столу и с обречённым видом оценила количество калорий, которое ей, скорее всего, предстоит проглотить, то решила, что плавать сегодня к буйкам нет никакого смысла. Сразу после завтрака нужно будет подготовиться к заплыву вокруг островов. Более короткая дистанция не поможет сжечь все калории, а это значит, что жировые отложения по бокам увеличатся.

Но эти скромные оценки и расчёты были произведены до того момента, когда Колька принёс к столу свою тарелку. Женька взглянула на пирожное ассорти и поняла, что у неё осталось лишь два пути: либо отныне и навсегда забыть дорогу в этот рассадник чревоугодия и питаться сырой рыбой да морскими водорослями, коих ей самой же предстоит добывать в прибрежных водах, но после этого она будет выглядеть как настоящая морская охотница: жилистая, что сушёная вобла и загорелая, как негр, или ... не отказывая себе ни в чём – живём-то мы один раз, наслаждаться произведениями местных кулинаров, но зато плавать как чемпионка мира с самого утра до глубокой ночи. Речь о том, чтобы оставить своё решение привести фигуру в порядок, даже не шла. Целеустремлённая и волевая натура, что тут поделаешь...

После такого плотного завтрака Женька с Колькой отправились на пляж, где и «провалялись», загорая и купаясь до самого обеда, а ближе к полудню Колька познакомился со своим коллегой – архитектором и строителем замков на песке, мальчиком в очках по имени Густав.

Приехал он со своими родителями на Острова из Германии. И хотя Колька не знал ни слова по-немецки, а Густав, соответственно, не говорил по-русски, но эти мелочи совершенно их не смущали и не мешали спокойно общаться, и в результате этого общения Колька выяснил у Густава, что недалеко от их гостиницы расположен большой аквапарк и разобрался, как пройти туда, а так же удалось выяснить, что голая тётка с иероглифами на ягодицах приехала из Англии и что она дура, и таких там много, и хорошо бы ей подстроить какую-нибудь пакость, как, например, посадить на задницу живого краба.

После обеда Колька отвёл мать в указанный аквапарк, где они катались с разных горок до самого вечера. Подобное напряжённое расписание отдыха выдерживалось, с небольшими

вариациями по темам и времени, в течение трёх дней. И всё бы было хорошо, если бы не вечера. Даже не ночи, когда Колька с Женькой, наплававшись и нарежившись за долгий, долгий день, засыпали почти мгновенно, едва коснувшись головой подушки, а именно вечера, долгие, томные, полные огней, отражающихся переливающимися дорожками в воде залива, и таинственных тенистых уголков, откуда при неосторожном приближении выпархивали смущённые парочки, и эти бесконечные набережные, вдоль которых не спеша прогуливались праздные толпы, и разноцветные, ярко освещённые, в гирляндах и цветах, открытые для всех желающих, рестораны и танцевальные клубы, из распахнутых настежь дверей выплёскивалась на тротуары музыка, смех, весёлые голоса, звон посуды.

Художники, расставив свои мольберты, ловко набрасывали портреты всем желающим. Множество продавцов диковинных сладостей и разнообразных сувениров, и всевозможных безделушек зазывали покупателей звонкими голосами. Ювелирные лавки, открытые чуть ли не до полуночи, соревновались друг с другом в изысканности представленного в витринах товара. И было ещё множество других любопытных и очаровательных мелочей, от чьего присутствия создавалось редкое, а потому весьма ценное не только знатоками и эстетами, ощущение вечного праздника. Ощущение, имевшее одну определённую и широко известную особенность – им нужно обязательно поделиться с кем-нибудь, не носить при себе и оберегать, как кошелек, а наоборот раздать. После этого впечатления становятся только сильнее и ярче. Но с кем же поделиться?

В сложившихся обстоятельствах Колька в компаньоны годился мало. Конечно, и он с увлечением гулял по ярко освещённой набережной, привлеченный музыкой и цветными огоньками, но больше всего внимания, всё же, уделял продавцам сувениров. От их лавочек и киосков его невозможно было отогнать. А вот танцевальные клубы и тем более рестораны его совсем не интересовали, может быть потому, что был сыт, на еду взирал равнодушно, особенно после своих агрессивных набегов в расположение десертного стола с совершенно затерроризированным им поваром, который вздрагивал при его приближении и совершал над столом какие-то странные пассы руками, будто курица-несушка, простирая свои крылья над выводком, тщетно пытаясь скрыть цыплят от всёвидящего сокола.

А в этих ресторанах нужно безвылазно сидеть за столом и при этом зачем-то держать вилку в левой руке, а нож в правой, что очень неудобно, когда всё вокруг живёт, движется, сверкает, поёт, зовёт, продаёт, и Колька справедливо считал это занятием скучным и не соответствующим понятию отдых. К тому же, наплававшись, набегавшись, наскакавшись вдоволь за долгий день, он быстро уставал и начинал ныть и жаловаться на жизнь, что означало – пора спать.

Проводив его в номер, Женька обычно возвращалась на набережную, чтобы ещё немного побродить, помечтать и погрустить, представить, а как бы всё выглядело для неё, если бы... А что «если бы»? Да то, что никакого «если бы» нет и в помине.

Ей ужасно хотелось посидеть за столиком какого-нибудь небольшого семейного ресторанчика, окунуться в уютную своеобразную атмосферу, попробовать редкие блюда местной кухни, но вот так запросто войти с улицы и заказать столик для себя одной ей показалась очень смелым шагом. Настолько смелым, что посчитала неприемлемым. Могут неправильно истолковать. Люди есть люди. Каждый ищет в соседе, прежде всего, собственные недостатки, а портить впечатление от вечера не хотелось, и потому, побродив среди весёлой толпы, Женька в печальном настроении возвращалась в номер, где находила Кольку спящим в обнимку с медвежонком. Книжка про пиратов оставалась открытой всё на той же первой странице с яркой картинкой, изображающей остров с пальмами посреди тёмно-синей кляксы.

Глава 9

Борис

На четвёртый день, утром, возвращаясь после обязательного купания, Женька вдруг почувствовала, что такого приторного, будто густо вымазанного мёдом, отдыха она более не в состоянии переносить и ей срочно требуется разнообразить программу пребывания на Островах. Поскольку определённого плана она не имела, то решила импровизировать на месте, исходя из общих климатических условий, таких, как дневная температура на солнечной стороне, высота волн относительно уровня моря во время её утреннего купания и величины «залёженности» пляжа отдыхающими на один квадратный метр.

В тот день температура воздуха не очень отличалась от дня вчерашнего и позавчерашнего, иными словами, было умеренно жарко, что в очередной раз укрепляло сомнения по поводу того, а, вообще, стоит ли шевелиться и напрягаться сегодня, может, имеет смысл опять проваляться весь день на солнце, изредка охлаждаясь в воде, но вот высота волн была чрезмерной, потому что ближе к полудню ветер усилился и поднял волну, которая курчавясь пенными барашками, выкатывалась, перекручиваясь на берег, заливала пляж всё дальше и дальше, отгоняя загорающих вглубь суши и, соответственно, увеличивая степень «залёженности» на один квадратный метр сухого и прогретого солнцем песка.

Женька пару раз входила в море полная решимости совершить свой, уже привычный, заплыв до буйка, но волны, раскачивая ее, швыряли в лицо пригоршни пены с брызгами и сбивали дыхание. Плавать в таком море было неприятно, да и попросту опасно. Выйдя из воды, Женька вернулась к тому месту, где на песке были разбросаны их вещи, но ни Кольки, ни его приятеля Густава, с момента знакомства не отходившего от её сына ни на шаг, рядом не обнаружила. Женька осмотрелась, но нигде на пляже, ни у воды и, ни тем более, в море мальчишек не было видно.

«Куда эти чертенята запропалились?» – уж начала беспокоиться Женька. Она спустилась к воде и, прикрыв глаза ладонью, принялась высматривать среди голов, бесшабашно качающихся на волнах, две небольшого размера, но безо всяких сомнений самых активных, самых вопящих и самых брызгающихся, однако никого, даже отдалённо похожего на Кольку и Густава, не нашла. Не на шутку встревоженная, Женька вернулась к своим вещам и, чуть ли не подпрыгивая на месте от выющихся в её мозгу беспокойных мыслей, начала прочёсывать глазами пляж, метр за метром, тело за телом.

– Если вы ищите мальчиков, то они вон за теми камнями. Они там на крабов охотятся.

Женька обернулась на голос. Произнёсший эту фразу мужчина сидел на песке рядом с их вещами, обхватив колени руками, он смотрел на Женьку, но под широким козырьком его яркой кепки и большими тёмными очками невозможно было разобрать черты лица незнакомца, однако, говорил он с сильным, жёстким акцентом, хотя и достаточно чисто и разборчиво, что выдавало в нём иностранца.

Вообще-то, трудно было ответить на вопрос: кто здесь выступал в роли большего иностранца, она или он, но в силу какой-то непонятной привычки всех, кто не говорил на её родном языке, Женька автоматически относила к широкой группе «иностранцев».

Судя по глубокому загару, это был не первый его день у моря, но Женька не помнила, чтобы замечала его присутствие на пляже когда либо. Однако для неё в этом не было ничего удивительного. Дело в том, что за долгие годы после развода она достаточно успешно выработала в себе привычку не обращать внимания на сладострастно безразличные взгляды мужчин и старалась не замечать их вообще, как представителей рода человеческого, ну, за исключением, каких-нибудь индивидуумов с очень яркой и броской внешностью, о которых, впрочем, очень быстро забывала, как только они исчезали из поля зрения. Что ж, в этом не было ничего удивительного – жизнь так складывалась, что времени на себя почти не оставалось. Приходилось много работать, чтобы удержаться на плаву и не просто прокормить Кольку, но и создать для него такие условия, при которых он не чувствовал бы себя обделённым.

Женька поблагодарила незнакомца, несколько удивлённая тем фактом, что кроме неё кто-то ещё знает о существовании Кольки, её сына, и к тому же осведомлён о том, что у него имеется приятель Густав, и ещё он знает, где эти дрянные мальчишки спрятались и что они там делают, и, наконец, этот русский язык с акцентом.

Женька обернулась и ещё раз взглянула на незнакомца. Широкие тёмные очки как маска срывали выражение глаз, смазывали впечатление, придавая лицу несколько бездушное выражение. Мужчина улыбнулся. Женька отвернулась и, проваливаясь в горячий песок, поспешила в указанном направлении, где за большими камнями действительно нашла и Кольку, и Густава. Работая изо всех сил палками, они пытались извлечь из щели обезумевшего от страха краба.

Растопырившись, упёршись всеми ногами и прикрываясь могучей клешней, как щитом, краб, несмотря на все усилия мальчишек, успешно держал оборону, забираясь всё дальше и дальше под камень.

– Так! Что вы здесь делаете? – строгим голосом спросила Женька. При её появлении Густав сразу же поднялся с земли, воспитание не позволяло сидеть скорчившись перед взрослым, и, пробормотав извинения, остался стоять, нерешительно переминаясь с ноги на ногу и то и дело поглядывая на Кольку. Колька же подняв голову, мельком взглянул на мать и, сурово сжав губы, принялся ещё энергичнее шуровать палкой под камнем.

– Краба пытаемся поймать, а он забрался, гад, и вылезать не хочет, – процедил сквозь зубы Колька.

– Зачем он вам сдался?

– Нужен... – недовольно буркнул Колька.

– Нужен, нужен... Зачем нужен-то? – Женька присела и заглянула под камень.

– Густав бери палку и с той стороны подпихни его. А я с этой стороны выпихну его и тогда он наш, – командовал Колька. К Женькиному удивлению Густав, схватив палку, полез под камень и начал пропихивать её вперёд, бормоча что-то по-немецки, иногда срываясь на какие-то жёсткие фразы, которые, насколько Женька понимала, были ругательствами.

– Нет, нет, не туда. Я тебе говорю не туда! Вон оттуда, из той щели, – Колька продолжал раздавать указания. Густав, извиваясь, полез ещё дальше, забираясь ещё глубже под камень, так что снаружи остались торчать лишь розовые пятки, а из глубины отчётливо донеслось:

– Schwein! Schwein!

«Свинья!» – автоматически перевела Женька, вспоминая обрывки фраз из своей школьной программы.

– Какая же это свинья? Это краб! – возмутилась Женька. – Густав! Вылезай оттуда немедленно.

Испугавшись, что Густав, в охотничьем азарте забравшись так далеко, вдруг застрянет там или, что ещё хуже, камень подвинется и придавит мальчика, Женька решила остановить охоту.

– Густав, оставь краба в покое. Вылезай, пожалуйста.

И Густав, не знавший ни слова по-русски, но может за время общения с Колькой и был ознакомлен с некоторыми уличными выражениями, извиваясь, начал выбираться из щели.

– Ма! – Колька был возмущён таким бесцеремонным вмешательством. – Ма! Но нам же немного осталось. Мы бы его вытащили. Обязательно вытащили. Густав, лезь обратно!

Густав сидел на корточках, вопросительно поглядывая то на Женьку, то на Кольку.

– Нет! И никакого разговору быть не может! – строгим голосом сказала Женька. – Заканчивайте!

– Ну, Ма... – заныл Колька.

– Что Ма? Что Ма? Что ты замамкал? – Женька решительно перешла в наступление

– Во-первых, почему ушли с пляжа без спроса. Почему ты меня не предупредил и почему бросил все вещи. Я чуть с ума не сошла, разыскивая вас. А? Что молчишь? Хорошо, доб-

рые люди подсказали, где вас искать. Во-вторых, мы сейчас собираемся и переправляемся на пароме на соседний остров. Погуляем там. Исследуем. Мне надоело тут валяться. Понял? Я так решила!

Колька, обиженно насупившись, смотрел себе под ноги, Густав стоял рядом и растерянно вертел в руках палку. Краб же, воспользовавшись замешательством в рядах нападающих, выскользнул из щели и перебирая ножками-палочками, прикрываясь угрожающе поднятыми клешнями, помчался к спасительному морю. Через мгновение он шлёпнулся в воду и был таков...

Мальчишки проводили его долгим, не обещающим ничего хорошего при следующей встрече, взглядом.

– Ну, вот и всё, – констатировала Женька. – Пошли собираться.

По дороге обратно на пляж Женька краем уха слышала, как Колька заговорщицки прошептал Густаву:

– Ничего. Я знаю тут одно место, там должно быть полным полно крабов. Завтра мы поймем одного и тогда на неё его посадим... То-то визгу будет!

А Густов энергично кивал головой, прихихкивая и поддакивая:

– Ja. Ja. Das ist schon! Schon gut! (Да. Да. Это будет здорово! Очень даже здорово!)

«Не иначе как какую-нибудь пакость затеяли», – подумала Женька, но сразу же забыла об этом, весьма легкомысленно не придав словам мальчишек никакого значения.

Когда они вернулись к тому месту, где на песке лежали их вещи, Густав приблизился к незнакомцу и, говоря очень быстро, оборачиваясь и показывая всё время в сторону камней, принялся рассказывать про то, как они добывали краба. И каково же было Женькино удивление, когда к ним присоединился Колька. Подойдя к незнакомцу, он с важным видом, по-взрослому, пожал протянутую руку, что означало – они были знакомы. Но когда это произошло и при каких обстоятельствах – Женька сказать не могла. Упустила. Колька несколько секунд хранил молчание, а затем, перебив Густава, начал рассказывать свою версию происшедшего. Незнакомец спокойно сидел на песке, слушал замысловато переплетённую смесь из двух языков, иногда задавал вопросы, то на немецком, то на русском языке, выказывая тем самым живейший интерес. Получалось так, что он выступал в роли переводчика, хотя при разговоре Густава с Колькой переводчик не нужен был совсем – ребята каким-то таинственным образом понимали друг друга с полуслова.

«Однако, странный товарищ...» – подумала Женька, собирая разбросанные по песку вещи и поглядывая искоса в сторону незнакомого мужчины. – «А, всё-таки, интересно, где они могли познакомиться? Днём Колька всегда со мной. А вечером? Может быть с Густавом выскользнул погулять, паршивец, а там и познакомились».

Женька подошла поближе, чтобы отозвать Кольку. Незнакомец, заметив её приближение, встал. Отряхнул песок, зачем-то снял с головы свою яркую пляжную кепку. Женька взглянула на него повнимательнее, но сразу же отвела глаза в сторону, однако по выработанной с годами привычке оценила его, составив для себя небольшой словесный портрет: «Среднего роста, худой, без живота – это хорошо. Не люблю эту пивную мозоль. С хорошим загаром, что значит – давно пасётся на пляже. Светлые волосы – либо выцвели на солнце, либо крашенные, но скорее всего это натуральный цвет. Черты лица прямые, но глаз не видно за тёмными очками. А жаль... В общем-то, ничего особенного. Обыкновенный немец. Хотя и нужно признать, что лицо у него приятное, не злое и не нахальное».

– Нашлись ребята? – неожиданно спросил незнакомец.

Женька несколько удивлённо взглянула на него.

– Да, нашлись, спасибо. А то уж начала волноваться.

Услышав голос матери, Колька обернулся.

– Ма, это дядя Боря. Дядя Борис, – поправился он и тут же продолжил. – А это моя мама, Евгения Александровна.

– Очень приятно, – произнёс незнакомец и наклонил голову. – Только я не Борис, а Бо'рис. Ударение на первом слогe, но впрочем, как Вам будет удобно. Борис – тоже хорошо звучит.

– Мне тоже очень приятно познакомиться с Вами, – пробормотала Женька, смущённо моргая.

«Ну, что я несу такое! Какую-то фразу полную церемониального пафоса выдавила из себя», – раздражено подумала она, но тут же ответила сама себе. – «А ну и что. Обыкновенная, вежливая фраза. Это, наверное, из-за его акцента и ещё потому, что он иностранец. А может быть потому, что я разучилась знакомиться с мужчинами. А со стороны всё это, скорее всего, выглядит в высшей степени нелепо: стоят друг напротив друга взрослые люди, почти голые и обмениваются церемониальными фразами, как на балу. Разве что не кланяются друг другу. Но, вообще-то, он мне поклонился. Ужас!»

– Николай, нам пора, – заявила Женька, сразу же решив поставить на всём этом знакомстве жирный крест с точкой. – Ты не забыл, что мы сейчас уезжаем.

– Ма, а дядя Борис был на том острове.

«Маленький предатель», – сердито подумала Женька.

– Вы собираетесь на соседний остров? – переспросил незнакомец.

– Да. Вот решили прокатиться. Решили посмотреть как там и что там. Надоело на пляже толкаться день-деньской.

– Толкаться на пляже? – незнакомец растерянно захлопал глазами.

– Ну, да! Но не в смысле толкаться, а в смысле скучать на одном месте, – пояснила Женька, а сама подумала: «Ну и зачем я ему всё это объясняю? Не его это дело куда мы едем. Всё из-за Кольки! Вот болтун! Ещё он и половину слов не понимает, хотя, говорит правильно, но с акцентом. Приятным акцентом...»

– А-а, понял, – незнакомец улыбнулся. – Без практики язык забывается очень быстро. Надо же, толкаться на пляже... Как здорово! Что ж, удачного вам путешествия.

– Спасибо.

– Евгения Александровна...

Если бы Женька была птицей, то после такого обращения у неё от возмущения перья бы встали дыбом, но поскольку она относилась к роду человеческому и перьев на себе не носила от рождения, то со стороны ничего особенного не было видно, лишь поморщилась слегка.

– Можно просто – Женя, – решительно перебила она.

– О! Простите, Женя. Я тоже подумал, что Евгения Александровна было бы чересчур... – тут незнакомец замешкался, подбирая слова.

– Чересчур тяжеловато, – подсказала Женька, а сама подумала, что это было бы «слишком по-взрослому».

– Да! Правильно – тяжеловато. Я подумал, что если вы едете туда в первый раз, то, может быть, вы выслушаете мой совет. Хотя это, наверное, наглость раздавать советы, когда их не спрашивают.

– Нет, почему же... Пожалуйста.

«Сейчас начнём раскланиваться – это точно. Ну и что это такое?! К чему? Пора удирать!» – пронеслось в её голове.

– Когда приедете на остров, то, сойдя с парома, вы увидите две дороги. Одна идёт направо, а другая уходит влево и поднимается в холм. Советую идти по той дороге, что уходит направо. Там много маленьких деревушек и в каждой свой замечательный собор необычной и яркой архитектуры. Очень интересно. К тому же дорога идёт вдоль берега моря и всегда можно спуститься и поплавать. Вот, – незнакомец в очках, представившийся Борисом, перевёл дыха-

ние и улыбнулся, весьма довольный тем, что в своём маленьком наставлении двум неопытным путешественникам не допустил ни одной грамматической ошибки.

– Спасибо, – Женька в нерешительности замолчала. – Простите, но мы пойдём.

– Да. Конечно! Счастливого пути!

Женька схватила Кольку за руку и поволокла за собой.

«Вот! Что вот? Тётя Маша была бы довольна. пляжное знакомство. На самом солнце-пёке. Что может быть лучше?!» – фыркала она себе под нос. – «Никогда! Ни за что! Какой-то иностранец. Бродяга! Где они с Колькой умудрились познакомиться?»

– Где ты с ним познакомился? – накинулась она на ничего не понимающего Кольку, когда, собрав вещи, уже уходили с пляжа. – Я же тебя предупреждала и просила не разговаривать с незнакомыми дядями.

– Ну, Ма! Его Густав знает. Это его родственник.

– Какой родственник? – не поняла Женька.

– Ну, дядя или вроде того. Я не понял. Они всем семейством сюда приехали отдыхать. И дядя Борис – какой-то там родственник. Я не знаю.

В ответ Женька только всплеснула руками.

«Мне здесь немецкого семейства не хватает! Надо же – забралась, Бог знает куда!, подальше от суеты, подальше от людской толкотни, а здесь дяди, тёти, Густавы... Ну, никакого покоя!» – думала Женька и, ухватив Кольку покрепче за руку, чтобы опять куда-нибудь не улизнул, решительно зашагала к только что причалившему парому.

Однако, пока стояла в очереди, среди толпы, что осторожно поднималась по раскачивающемуся трапу на борот белого пароходика, поостыла немного под палящими лучами полуденного солнца, призадумалась и начала спокойно рассуждать.

– А что это ты разнервничалась, дорогуша? А? Что такого необычного с тобой произошло? Ты наконец-то с кем-то познакомилась, не правда ли? – причём голос, звучавший сейчас в её мозгу и задававший все эти простые и, нужно заметить, не безосновательные вопросы, был удивительно похож на голос её бабки – покойницы, Евгении Владимировны, в честь которой и назвали внучку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.